

Бестселлер немецкого AMAZON

КНИГА АНГЕЛОВ

МАРА ВУЛЬФ

Мара Вульф

Книга ангелов

Серия «Ангельская сага», книга 3

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57110213
Мара Вульф Книга ангелов:
ISBN 978-5-04-111730-6

Аннотация

Они забрали у нас все. Но надежду им не отнять.

Мир находится на грани гибели. Ангелам осталось найти последнюю девушку – недостающую частицу, которая откроет райские врата и положит начало апокалипсису. Мун готова любой ценой их остановить. Однако девушка слишком поздно понимает, что она лишь пешка в жестокой игре Люцифера и ей уготована совершенно иная роль.

Сумеет ли Мун пожертвовать собой, чтобы спасти человечество, или любовь к падшему ангелу окажется сильнее клятвы, которую она принесла людям?

Содержание

Пролог	6
Глава I	8
Глава II	52
Глава III	122
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Мара Вульф

Книга ангелов

Marah Woolf

BUCH DER ENGEL

Copyright © 2019 by Marah Woolf (www.marahwoolf.com),
represented by AVA international GmbH, Germany (www.ava-international.de)

Originally published 2018 by BoD, Germany

Cover by Carolin Liepins

Серия «Young Adult. Ангельская сага»

© Зайцева Д., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Для Николы, Катрин, Джил и моих девочек, тестовых читателей, которые предпочли остаться инкогнито.

Мои вдохновители, утешители и компаньоны. Без вас бы эта книга никогда не была написана или стала бы самой ужасной книгой всех времен.

Пролог

И сказал Господь Каину: где Авель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему? И сказал: что ты сделал? Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли; и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей...¹

Господь дал Каину понять, что целых семь поколений подряд никто не убьет его. Поэтому Каин заключил союз с Люцифером, Семьясой и их войском, чем разозлил других ар-

¹ Книга Бытия 4:9–11.

хангелов.

И ангел Разиэль приказал отцу Каина, Адаму, сохранить книгу, чтобы грехи людей оставались в их памяти.

– Не забывай о том, что ты уже однажды разозлил Господа в саду Эдема, – сказал Разиэль. – И в тот день вы, люди, стали непослушными. Поэтому возьми Каина, твоего первого сына, пойди туда и принеси его в жертву. Тогда Господь вернется к тебе, и рай снова откроется.

– Почему он должен умереть? – спросил Адам. – Он давно был наказан за то, что сотворил! Разве Господь не сказал Каину о том, что никто не убьет его? Нельзя убивать изгнанных. Это священный закон.

Разиэль, Божий ангел, улыбнулся.

– Закон распространяется лишь на тех, кто придерживается заповедей. Но семь поколений уже сменилось, и его время настало.

Глава I

Я расчесываю свои волосы. С тех пор, как закончилось последнее испытание и ангелы отстригли мне подпаленные волосы, они уже немного отросли. И все же они никогда не станут такими же шелковистыми и красивыми, как у Стар. Я откладываю расческу и смотрю на свое отражение в зеркале. Это я. Со всеми своими ранами: теми, что видны человеческому глазу, и теми, что прячутся внутри. Я в последний раз оглядываюсь. В эту комнату Люцифер привел меня, чтобы защитить. По крайней мере, я так думала. Он держал меня

за руку и проводил время со мной в этой кровати, согревая меня. Его пальцы лежали на моем животе, а губы касались моих волос. Каждое его прикосновение казалось мне таким настоящим! Но все это было неправдой.

Я делаю глубокий вдох и отворачиваюсь. Я не возьму с собой ничего, что может напоминать мне о нем. Когда я уйду, я оставлю все позади. Я не могу остаться. Даже ради Стар. Она теперь с ним. Он позаботится о моей сестре. Еще секунду я думаю о том, чтобы просто выпрыгнуть в окно. Не потому, что я хочу умереть. Даже Люцифер не способен подтолкнуть меня к этому. Но я все еще могу попытаться сбежать отсюда и найти свою мать. К сожалению, это ничего не изменит. Вчера вечером она оттолкнула меня, и сегодня она поступит точно так же. Я не получу от нее никаких ответов. По крайней мере, тех, которые мне так нужны.

Я аккуратно сворачиваю рисунок, который Стар нарисовала для меня, и кладу его в книгу Разиэля. Я снимаю со своей шеи цепочку с жемчужиной из муранского стекла и покидаю комнату лишь с этими тремя вещами.

Когда я захожу в салон, все уже собрались там. Я этого не ожидала, и на мгновение мои так старательно сдерживаемые эмоции прорываются наружу. Как бы странно это ни было, но именно здесь, при дворе Люцифера, я нашла друзей. Друзей, с которыми я теперь должна расстаться. Я буду скучать по Лилит, Сэму и Нааме.

Рука Люцифера обвивает тонкие плечи Стар. Она плачет,

а он пристально рассматривает меня, потому что я ранила женщину, которую он, очевидно, любит. Я гордо выпрямляюсь, когда его взгляд скользит по моим старым вещам. Брюки разорваны на коленях, а свитер слишком мне велик. Но это больше не играет никакой роли. Эти вещи были сделаны людьми, и я тоже человек. Значит, я должна носить именно их, и ничто иное. Как бы я себя ни уговаривала и на что бы я ни надеялась. Все, что у меня осталось, – моя гордость, и я цепляюсь за нее, словно утопающий.

Лилит стоит рядом с Сэмом и Наамой, вокруг них расположились еще несколько воинов. Все одеты по форме. Форфакс, Кальцас, Хананель и Амудиэль прислонились к стенам или окнам и пытаются выглядеть расслабленными. Им это плохо удастся. В воздухе чувствуется едва сдерживаемый гнев и что-то еще, сложно уловимое. Но мне должно быть все равно. Я им ничего не должна.

– Мун, – Сэм подходит ближе, заслоняя меня от взглядов других ангелов. – Пожалуйста, подумай об этом еще раз. Скажи, что мне сделать, чтобы ты осталась. Ты не должна идти в небесный двор Михаэля. Твое место здесь. Рядом с нами.

Я еще никогда не видела его таким серьезным. Хотя я охотнее всего проигнорировала бы его слова, но я не могу. Он не сделал мне ничего плохого и всегда беспокоился о моем благополучии.

– Мне очень жаль, – отвечаю я. – Но я хочу к Фелиции.

Она совсем одна в четвертом небесном дворе, а я обязана ей многим. – Это худшее оправдание всех времен, но я не могу придумать другого. Мне нужно уйти отсюда прочь, пока он меня не переубедил.

– Ты уходишь не поэтому, и мы все это знаем. Но ты здесь ни при чем, Мун. Не делай этого, пожалуйста.

Здесь он очень ошибается. Наконец-то дело действительно во мне. Я пытаюсь сохранять спокойствие.

– Фелиция – единственная причина, по которой я уйду. У вас есть вы сами. У Стар – Люцифер, – выдавливаю я. – Мне больше не нужно о ней беспокоиться. Он не допустит того, чтобы с ней что-то случилось.

Хотя я и говорю тихо, но уверена в том, что каждый в этой комнате слышит мои слова.

– Нет, не допустит, – подтверждает Сэм. – Он будет защищать ее ценой своей жизни.

Я киваю.

– И за это я ему действительно признательна.

Грудь Сэма поднимается и опускается. Я не смотрю на него, пока он не кладет палец под мой подбородок и не заставляет меня обратить на него внимание.

– Если тебе что-то потребуется, если тебе будет плохо, приходи ко мне. Пообещай мне это.

– Сэм, – прерывает его ледяной голос Люцифера. – Я уверен, она знает, что делает, и не нуждается в твоей поддержке. В ближайшем будущем она получит ее с другой стороны.

Услышав эти слова, Сэм поджигает губы.

– Он очень зол на тебя, – приглушенно добавляет ангел.

Мне плевать на это. Я расправляю плечи и подхожу к Стар. Я безмолвно протягиваю ей книгу, рисунок и цепочку.

«Мне это больше не нужно, – жестикулирую я. Никто не должен слышать, что я хочу ей сказать. – Я храню память о нас в моем сердце. Я помню время, когда мы вчетвером были семьей».

На глаза наворачиваются слезы.

«А цепочка тебе нужнее. Ты помнишь, как Феникс принес ее тебе? Помнишь, как ты радовалась этому?»

Она кивает, и ее глаза тоже сверкают. Я не могу злиться на нее, даже если пытаюсь.

«Ты моя сестра, – продолжаю я, – и я тебя люблю. Я буду всегда тебя любить. Но есть кое-что, что я должна сделать. Поэтому я не могу остаться. Рядом с ним ты в безопасности».

Стар отдает три вещи Люциферу и обнимает меня на прощание. Еще мгновение я крепко обнимаю сестру, пока Люцифер нас не прерывает.

– Наама, – слышу я его резкий голос. – Позаботься о том, чтобы Мун добралась до четвертого небесного двора. А ты, – обращается он ко мне секундой позже, – будешь находиться там и готовиться ко дню Искупления. Я закрою глаза на этот поступок, но не смей идти против меня и дальше. Иначе ты об этом пожалеешь. – Каменное выражение лица подчерки-

вает его решимость.

Ну, а чего я от него ожидала? Что он будет любить меня и скажет, что я что-то для него значу? Одна только мысль об этом смешна, да и Люцифер никогда такого не говорил. Я только надеялась на это. Где-то в разуме маленькой девочки жила эта мечта. Он сам сказал мне, что ангелы любят не так, как люди. Он хотел меня, но это не то же самое. Я надеюсь, что оставить Стар с ним не будет ошибкой. По крайней мере, здесь она в безопасности. Никто не может упрекнуть меня в том, что я не выполнила свое задание.

Измученная, я тащусь к Нааме. Семьяса теперь стоит рядом с ней, его взгляд смягчился. Он обнимает меня одной рукой и прижимает к груди. Я бы расплакалась от этого выражения любви! Это напоминает мне объятия Алессио. Он был бы бесконечно во мне разочарован.

– Не обязательно сопровождать меня, – выпаливаю я, собрав последние силы. – Я знаю дорогу.

– Ты не будешь разгуливать по Дворцу дождей в одиночестве! – говорит Люцифер.

Наама возмущенно ругается, и я поворачиваюсь к нему. Он проводит пальцами по своим волосам и открывает рот так, словно хочет что-то сказать, но затем снова закрывает его и качает головой.

– Прочь с глаз моих! – требует Люцифер вместо этого. – Пока я не отправил тебя туда, где тебе самое место.

Боль, пронзившая меня, по своей силе несравнима ни с

чем, что я переживала до этого. Она окружает меня и отравляет все мои чувства.

Сэм обнимает меня крепче. Лилит стоит у окна со слезами на глазах, а Наама сердито смотрит на меня, потому что я ничего не предпринимаю против. Я не могу попрощаться ни с кем из них, мне не хватит на это сил. Поэтому я просто ухожу, покидаю комнату, в которой я на протяжении многих недель после своего побега из тюрьмы чувствовала себя спокойно и в безопасности. За мной следует Наама и ее стражники. Я должна была знать, что слова и действия Люцифера ничего не значат. Я должна была понять, что я для него всего лишь игрушечный мяч. Он хотел только отомстить своим братьям и ради этого готов на любые жертвы. В его вечной жизни я никто.

Наама молча провожает меня до входа в покои четвертого небесного двора.

– Я надеюсь, ты знаешь, что делаешь, – говорит она мне на прощание. Ее гнев куда-то испарился.

– Да, – подтверждаю я. – В этот раз я точно знаю, что делаю.

– У него есть свои причины, – продолжает она, но ее слова звучат неубедительно.

– Я и не сомневаюсь. Но и у меня они тоже есть.

Я вижу, как она размышляет, не добавить еще что-то, но двери уже открываются и перед нами предстают Кассиэль с Михаэлем.

– Ты присмотришь за Стар за меня? – быстро спрашиваю я у Наамы.

Она кивает, и мы обнимаемся. Этого я от нее не ожидала.

– А за тобой-то кто присмотрит? Алессио всегда считал, что ты слишком редко думаешь о себе.

Я чувствую, как тяжело ей произносить его имя.

– Сама с этим справлюсь, – отвечаю я. Я не должна думать еще и о нем, иначе я сломаюсь. Он умер почти две недели назад и наверняка был бы не в восторге от того, что я все еще жалею себя. «С завтрашнего дня я соберу свою волю в кулак», – про себя даю я ему обещание.

Наама отпускает меня, и я замечаю бесконечную грусть в ее взгляде.

– Я бы хотела сделать для тебя еще хоть что-нибудь, но я должна следовать приказам Люцифера.

– Все в порядке, – лгу я. – Правда. Не волнуйся. Все будет хорошо.

Михаэль презрительно фыркает:

– Чем я обязан такой чести? Ты что, наконец поняла, что у тебя при дворе Люцифера нет будущего?

Я пытаюсь игнорировать его слова и смотрю на Кассиэля. Его беспокойная улыбка не заставляет меня чувствовать себя лучше. Он не ожидал увидеть меня здесь. Собственно, вчера я тоже такого не ожидала.

– Что за обноски на ней? – спрашивает Михаэль. – Так относятся к ключам при дворе Люцифера?

Я немного склоняю голову перед ним:

– Я действительно решила перейти в твой небесный двор, если ты позволишь.

Его глаза сияют. Я вижу в них отблеск жадности, и по моей спине бегут мурашки, но уже слишком поздно отступать.

– Это будет для нас честью, – отвечает вместо него Кассиэль и берет меня за руку. – Мы будем чтить тебя и защищать.

Я киваю, и он тащит меня в покои. Дверь за мной закрывается. Люцифер не пытался удержать меня, не сражался за меня, а просто позволил мне уйти. Там, где совсем недавно в моей груди билось сердце, остался только комок льда.

Салон, в котором проводит время Михаэль, выглядит еще роскошнее, чем салон Люцифера. В покоях пятого небесного двора все было воздушным, светлым и легким. Там я быстро освоилась и стала чувствовать себя как дома, но дело, наверное, не в обстановке комнат. Здесь интерьер помпезный и, судя по всему, создан не для удобства, а для демонстрации богатства Михаэля. При виде салона у меня перехватывает дыхание. Наверное, самое большое его отличие от салона Люцифера состоит в том, что на неудобных и жестких диванах здесь не сидят ангелы. Комната кажется вымершей.

– А где остальные? – спрашиваю я у Кассиэля, держась рядом с ним, потому что мне все еще страшно. Сэм, Наама, Лилит и другие ангелы внушали мне чувство безопасности. Больше, чем мне хотелось бы признавать. А теперь я одна, и

если Михаэль прикажет кому-нибудь мучить и истязать меня, никто не станет его сдерживать. Здесь только Кассиэль – и у меня есть причины ему не доверять.

– Архангелы запланировали испытания в Париже. – Он беспокойно изучает меня своими голубыми глазами. – Они расположили свои дворы там, и здесь остались лишь немногие.

Как бы подтверждая сказанное, два ангела-воина проносят мимо меня большой сундук. Они отталкиваются от земли и взмывают в небо, как только подходят к балкону.

Значит, осталось совсем немного времени до того, как они найдут последнюю девушку. Почему Люцифер не говорил мне? Он наверняка был в курсе. Еще одно обманчивое доказательство наших доверительных отношений. У нас обоих были тайны друг от друга. Мы друг другу не доверяли.

Было ли в таких обстоятельствах правильным перебраться сюда? При дворе Люцифера я не заметила, чтобы кто-то куда-то уезжал. Что, если он улетит со Стар? Тогда я больше не смогу защищать ее. Я смеюсь про себя. Это мы уже проходили. Всю свою жизнь меня учили думать прежде всего о других, и стоило мне единожды не последовать этому правилу, как я уже чувствую себя виноватой. Я стараюсь подавить в себе это чувство. Пусть оно будет спрятано в самом дальнем уголке моего разума. Ничто не сможет защитить Стар лучше, чем руки Люцифера, куда бы он с ней ни полетел.

Я делаю глубокий вдох, и мои глаза начинают гореть при

мысли об этом. Я ненавижу его за то, что он сделал со мной. Где эта девушка, которая так смело встречала ангелов на арене? Она, должно быть, куда-то исчезла за последние несколько недель. Если я хочу выжить, я должна снова ее найти.

– Позаботься о ней, Кассиэль, – требует Михаэль. – Я пришлю платье, в котором она будет достойной представительницей моего двора. Тогда ты сможешь доставить ее на небеса. Я хочу сообщить о ее решении своим братьям.

– На небеса? Что мне там делать?

– Люцифер тебя прятал, но я не стану этого делать, – отвечает Михаэль. – Каждый из моих братьев должен знать, что ты выбрала меня. Теперь, с тобой и Фелицией де Лукой, при моем дворе стало на два ключа больше... – Его взгляд скользит по моему телу. – Рафаэль и Габриэль будут сгорать от ревности.

Я задаюсь вопросом, сколько ключей решили перейти во двор Михаэля после испытаний. Как же глупа эта борьба за власть среди ангелов!

Кассиэль кладет руку мне на спину.

– Она докажет, что достойна нашего двора, – сухо говорит он Михаэлю, толкая меня в коридор, ведущий прочь из салона.

– Хочется на это надеяться! – кричит Михаэль нам вслед. – И пусть кто-нибудь сделает что-то с ее лицом. Эти шрамы должны исчезнуть.

Я кусаю свои щеки изнутри. Конечно, Михаэль считает

меня уродливой. Поверхностный идиот. Я поднимаю голову выше и чувствую, как Кассиэль толкает меня в спину все сильнее, словно считая, что я вот-вот скажу что-нибудь неразумное. И я действительно близка к этому.

Комната, в которую меня приводит Кассиэль, выглядит более аскетично, чем та, что была у меня в пятом небесном дворе. Кроме того, она сильно контрастирует с салоном, который я только что видела, но в целом мне на это плевать. Я не нуждаюсь в роскоши.

– Мне оставить тебя? – спрашивает Кассиэль, когда я сажусь на стул. Я благодарна ему за то, что он не расспрашивает меня о причинах моего решения покинуть двор Люцифера. – У нас есть еще немного времени до того, как я должен буду доставить тебя наверх.

При мысли о том, что я полечу с ним в четвертый небесный двор, мне становится тошно. На земле я нахожусь среди себе подобных. Не знаю, что ожидает меня наверху. Если бы мне было известно... я бы все равно не изменила своего решения.

– Я буду рядом с тобой, – говорит он. – Все время. Михаэль всего лишь хочет провести небольшую неформальную встречу с другими архангелами, чтобы сообщить им о твоём решении. Я верну тебя на землю как можно скорее. Тебе не стоит бояться этого.

– А Фелиция тоже будет там? – Мой голос немного дрожит. Мне не очень хочется встречаться с архангелами.

– Что натворил Люцифер? – спрашивает Кассиэль, не отвечая на мой вопрос. – Почему ты решила перейти в наш двор?

Значит, он все-таки не смог сдержать своего любопытства.

– Он ничего не сделал, я просто не хотела оставлять Фели одну. Где она?

– Со своей матерью, – с сожалением отвечает Кассиэль. – Она больна, и Фелиция получила у Михаэля разрешение позаботиться о ней. – Еще мгновение он молчит. – Мы все видели эту девушку, – говорит он тихим голосом. – Твою сестру. Она очень красивая.

Я сглатываю.

– Да, она такая, – говорю я. – Разве можно винить его в том, что он выбрал ее?

– Я предупреждал тебя об этом, – тихо добавляет Кассиэль. – И тем не менее мне жаль, что я оказался прав.

Он встает передо мной на колени и берет мои ладони в свои руки.

– Тебе не должно быть жаль. Я с самого начала знала, какова моя роль в этой игре. В твоей и в его.

Теперь я смотрю Кассиэлю в глаза.

Ангел медленно кивает и, к счастью, не проронив ни слова, оставляет меня одну.

Я плетусь к кровати и падаю на нее. В какой-то момент я засыпаю, хотя мои мысли еще целую вечность крутятся в голове, пока ночи без сна наконец не берут свое.

Я иду по полю боя. По моим щекам стекают слезы. Я смотрю в мертвые глаза своих друзей, закрываю веки их детей и целую их в лоб в последний раз. Я касаюсь крыльев падших. Тела мертвых ангелов и людей лежат по всему полю, конца и края которому нет.

Габриэль одержал победу. Его армия прорвалась через защитную линию Люцифера. Как другие архангелы могли присоединиться к нему? Почему они просто не остановили это безумие? Столько невинных погибло.

Из спины маленького сына Сэма торчит стрела. Я падаю на колени рядом с ним, достаю стрелу, переворачиваю его и убираю волосы со лба. Они слиплись от грязи и запачканы кровью. Мое тело сотрясает безмолвный крик. Этот ребенок был смыслом его жизни. Я осторожно кладу его обратно и накрываю мертвое тело накидкой. Затем я иду дальше по пропитанному кровью полю. Там лежит поверженный Баракиэль, учивший людей читать по звездам. Я вижу Сериэля, объяснявшего им, как разбираться в фазах Луны, и Пенема, который научил их писать с помощью пера и чернил. Все они мертвы. Убиты собственными братьями за то, что они любили человеческих женщин.

Я протягиваю руки к небу и кричу, пока мое горло не начинает болеть. С кончиков моих пальцев срывается огонь. Сначала это только искры, но затем я насылаю на поле пламя и сжигаю тела своих друзей, чтобы победители этой

битвы не смогли осквернить их. Я возвращаюсь лишь тогда, когда от них остается только пепел.

Семьясы нет среди погибших. Я чувствую облегчение от этого, но в то же время мне становится страшно. Он потерял слишком многое. Как он сможет жить с этим дальше?

Я и не думала, что может быть еще хуже, но перед воротами рая, привязанные к кольям, висят жены ангелов. Из их тел торчат стрелы. Они убили женщин так же беспощадно, как и их детей.

Несмотря на ужас, происходящий у ворот рая, нетронутый сад Эдема простирается за ними. Оттуда веет запахом жасмина и роз. Он все такой же прекрасный, каким его создал Бог, но люди навсегда исчезли из сада. Звон смеха и детские крики больше никогда не будут доноситься оттуда.

Раздается тихий стон, и я поворачиваюсь. Одна из привязанных к столбам фигур шевелится. Я бегу к ней и падаю на колени перед Леей. Она корчится, связанная веревками, а на ее лице отражаются бесконечные муки.

Кинжалом, висевшим на поясе, я разрезаю веревки и опускаю свою подругу на теплую землю.

– Леа, – шепчу я. – Скажи что-нибудь. Это я, Лилит.

Из ее тела торчат две стрелы. Одна из живота, а другая из груди. Легкое льняное платье все в крови. Она не выживет после таких ранений. Я не знаю, как она вообще продержалась так долго.

— Лилит, — шепчет она, из последних сил поднимая руку, чтобы положить ее на мою щеку. — Позаботься о Сэме, — просит она. — Не оставляй его одного.

— Я не оставляю, — плачу я, хотя и не знаю, где он. — Не переживай за него.

— Ему будет тяжело, — шепчет она. — Скажи, что я его любила. Я бы предпочла провести с ним этот небольшой отрезок времени, чем всю жизнь без него. Не оставляй его.

— Я скажу ему это, — шепчу я, и по моим щекам стекают слезы, — и я буду с ним рядом.

Она улыбается, а затем навсегда закрывает глаза. Ее сердце перестает биться, и я чувствую, как душа Леи отделяется от тела и улетает в сияющее голубое небо.

— Прощай, — шепчу я ей вслед.

Затем я сжигаю ее тело, как и тела других жен. Когда заканчиваю, то отправляюсь на поиски Габриэля, чтобы отбывать наказание длиной в десять тысяч лет вместе с Сэмом. По крайней мере, нам не будет так одиноко, как Люцу. При мысли об этом по моей спине пробегают ледяная дрожь. Каким он станет, когда отбудет это наказание? Что останется от этого сострадательного и внимательного мужчины?

Грохот посуды будит меня, извлекая из кошмара. Одна девушка ставит поднос на маленький стол, а другая вешает платье в шкаф. Я моргаю, когда мне кажется, что я вижу на нем

высохшую кровь, но это только сон, который еще не покинул меня. Платье девственно белое и сделано из почти прозрачного кружева.

Очевидно, Михаэль собирается представить меня своим братьям как какой-то трофей.

Кассиэль появляется в дверях, и я сажусь на кровати.

– Мы должны отправиться туда через два часа, – говорит он. – Я могу прислать кого-нибудь, кто поможет тебе собраться.

– В этом нет необходимости. Я буду готова вовремя, – эти слова срываются с моих губ сами собой.

Конечно, я могу одеться и собраться самостоятельно. Я не хочу видеть никаких помощников, я никогда в них и не нуждалась. Но если бы я была честна с собой, я бы сразу поняла, что с трудом могу встать. Кажется, будто решение уйти из двора Люцифера отняло у меня последние силы. Я и не знаю, что будет дальше. Я даже не могу думать об этом. Меня все раздражает. Горе и тоска сжигают изнутри. Я всегда думала, что я сильная. Девушка, которая защищает и спасает своих брата, сестру и Алессио. Но теперь я понимаю, что они были нужны мне не меньше, чем я им. Их присутствие делало меня сильнее. Их любовь и вера. Но теперь Алессио мертв, Тициан живет у друзей, а Стар осталась с Люцифером. Единственная, у кого никого нет, – это я. Моя мать не хочет быть рядом. Феникс, который и другом-то мне не был, оставил меня в беде, а в скором времени даже Лилит, Наама

и Сэм перестанут интересоваться мной, как и Люцифер.

Я сворачиваюсь калачиком под одеялом. Две недели я пыталась собраться. Старалась вести себя так, чтобы никто ничего не заметил. Я больше не могу притворяться. Я не знала, что одиночество может причинять физическую боль. С большими усилиями мне все-таки удастся снова сесть на кровати. В глазах темнеет, я жадно глотаю воздух. И будто огромная волна темной воды захлестывает меня. Мое сердце бьется, а руки и ноги немеют, и в то же время я чувствую в них покалывание. Как бы невообразимо это ни казалось. Меня тошнит.

Кассиэль делает два шага и оказывается у моей кровати. Он садится рядом и обнимает меня. Я хочу оттолкнуть его, но не могу. Вместо этого я просто прижимаюсь к нему. Это настолько смешно, но этот ангел единственный, кто у меня остался. Тот, кто может предложить мне опору и защиту.

– Тихо, – успокаивающе говорит он. – Ты не должна справляться со всем этим сама, – звучит так, словно он говорит не только о наряде и прическе. – Сначала сделай вдох и и медленно выдохни. Все будет хорошо. – Он гладит меня по спине, и я прислоняюсь лбом к его плечу, закрываю глаза и вдыхаю. Мне невероятно стыдно, что Кассиэль видит меня в таком состоянии, но я ничего не могу с этим поделать. Я действительно расслабляюсь через пару минут. События последней ночи, видимо, добились меня.

– Мы пройдем через это вместе, – говорит Кассиэль. – Мы

полетим туда, и ты сообщишь архангелам о своем решении. Я все время буду рядом с тобой.

– Люцифер говорил мне что-то подобное перед первым испытанием, и тогда я чуть не умерла.

– Я уже однажды оставил тебя в беде, Мун, – говорит Кассиэль, – больше я так не поступлю. В этот раз я играю в открытую и хочу быть твоим другом.

Друг вполне может мне пригодиться. Но почему именно он? Насколько глупо с моей стороны будет довериться Кассиэлю еще раз? Я подарила Люциферу свое сердце и тело, а он обманул меня и выбросил. У Кассиэля не было ничего из этого, неужели я могу для него что-то значить?

– Я не могу пообещать, что доверюсь тебе, – говорю я хриплым голосом.

– Ты и не обязана этого делать, – отвечает он. – Я тебе доверяю. Твоей силе и смелости. Ты выживешь, и я тебе для этого не нужен. Я просто буду тебя прикрывать.

– И все? – Мой голос превращается в шепот. Он когда-нибудь потребует что-нибудь взамен. Никто в наше время не делает ничего просто так. Тем более ангелы.

– И все. – Я чувствую, как губы Кассиэля у моего виска растягиваются в улыбке. – У меня был шанс, и я его упустил. Но все в порядке.

– Ну ладно, – соглашаюсь я. – Есть ли какие-нибудь дружеские советы относительно того, как я должна себя вести в присутствии Габриэля и Рафаэля?

Кассиэль смеется, отклоняется и с беспокойством рассматривает меня.

– Просто не ведись на их провокации и держись рядом со мной, когда мы будем наверху.

– Почему ты делаешь это ради меня? – Кассиэль столь мил, и хотя мне не кажется, что это какой-то трюк, я не могу взять и поверить в его дружелюбие. Мои знания о человеческой природе невелики, а в ангелах я разбираюсь и того меньше.

– Есть множество ангелов, никогда не бывавших на земле: большинство даже людей никогда не видели. Я просто не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. То есть никаких приключений. А что касается Рафаэля и Габриэля, ты можешь постараться выглядеть покорной. Только для того, чтобы они не подумали, что их провоцируют.

– Я постараюсь. А будут ли на этом приеме другие ключи?

– Нет, только ты. Тебе необходимо убедить других архангелов в том, что ты решила перейти в четвертый небесный двор по собственной воле и что тебя никто не заставлял.

– Понятно. Конечно. Как там в Париже, есть какие-то успехи? – Я напряженно жду его ответа.

– Да, – отвечает он, не колеблясь. – Мы скоро найдем семь подходящих кандидатов, это только вопрос времени.

– Но ты же охотник, – говорю я. – Почему ты не ищешь их там?

– Потому что я попросил Михаэля о том, чтобы он осво-

бодил меня от этой работы. Я хотел остаться в Венеции. Ты и Фели все-таки тут, кто-то должен за вами присматривать.

– Когда ворота рая откроются, ты останешься там или вернешься в четвертый небесный двор?

– Этого я еще не знаю. Все зависит от того, как дело пойдет. Пока что я не уверен в том, что мы делаем, и не знаю, обманывает ли нас Люцифер.

– Почему? – встревоженно спрашиваю я. Неужели Кассиэль знает что-то о тайных планах Люцифера? Может, он хочет допросить меня, потому что думает, что я что-то знаю? Он из-за этого такой дружелюбный?

– Мне просто так кажется. Я никак не могу это обосновать. Ты в порядке или тебя все еще тошнит?

Паника действительно куда-то исчезла.

– Все хорошо. Спасибо, что отвлек меня.

– Не за что! Обращайся в любое время. Мне оставить тебя, чтобы ты собралась?

– Разумеется. Я не хочу тебя опозорить и буду очень благодарной.

– Я поверю в это, только когда увижу своими глазами! – Смеясь, Кассиэль выходит из комнаты.

Я умываюсь, сажусь перед зеркалом и понимаю, что не знаю, что делать со своими волосами. Раздается робкий стук в дверь. Мне никого не хочется видеть, но дверь все равно открывается. К своему удивлению, я вижу в дверном проеме Лилит. Она улыбается и выглядит так, словно ждет, что я

вот-вот в нее чем-нибудь брошу.

– Можно мне войти? – неуверенно спрашивает она. Ее яркие крылья выглядывают из-за спины и нервно дрожат. Позади нее стоят Кассиэль и, что еще более удивительно, Сэм. Я и не думала, что так скоро увижу их снова.

– Я подумал, что будет правильным, если тебе поможет собраться кто-то знакомый, – говорит Кассиэль. – Поэтому я попросил Лилит об этом. Сэм боялся, что я собираюсь ее украсть.

Моя паническая атака, судя по всему, напугала его больше, чем мне показалось. И все же неожиданно, что Кассиэль отправился в пятый небесный двор и позвал помощников оттуда.

Сэм окидывает Кассиэля мрачным взглядом.

– Следи за словами. Ты не против, что Лилит поможет тебе? – обращается он ко мне. Ангел рассматривает скудно обставленную комнату.

Я не в силах отправить Лилит обратно. Она не сделала мне ничего плохого. Я вспоминаю свой сон, который видела совсем недавно. Она пережила настоящий ужас. Хотя с тех пор и прошло много тысяч лет, я не думаю, что от такого можно оправиться. Но это ее не сломило. Лилит не воительница, как Наама, поэтому я не замечала того, какая она сильная.

– Я буду рада этому! – говорю я, и Лилит сияет.

Сэм скрещивает руки на груди и напрягает мышцы, смотря на Кассиэля.

– Я подожду с ним в салоне.

Кассиэль удивленно качает головой.

– Тогда я предложу тебе что-нибудь выпить, чтобы ты расслабился. Что, по-твоему, я сделаю с ними двумя, если ты не будешь за ними наблюдать? – Он отходит от двери, и голоса ангелов затихают.

– Откуда мне знать? Я не знаю, почему Мун вообще тебе доверяет.

– Значит, у нас с тобой есть что-то общее, – спокойно отвечает Кассиэль. – Я тоже этого не знаю, но причина может быть в том, что твой босс плохо с ней обращался.

Сэм бормочет что-то невразумительное, и Лилит закрывает дверь.

– Кассиэлю явно непросто было прийти к нам. Я вообще не думала, что он осмелится это сделать. Он за тебя очень переживает.

– У меня была небольшая паническая атака, – признаюсь я. – Вероятно, это его и напугало.

– Сейчас лучше?

Я киваю, не отрывая взгляда от отражения Лилит в зеркале.

– Вчерашнее нападение повлияло на меня сильнее, чем я думала.

– Точно, нападение. – Она проводит рукой по моим волосам, избегая моего взгляда. – Ты сама убила тех мужчин?

– Они были не очень сильны, – вру я, потому что не хочу

рассказывать ей о своей матери. – А я была достаточно зла.

– Ты представить себе не можешь, как мне жаль. Люц иди-от, и мы все сказали ему об этом. Сейчас он заперся в своем кабинете и даже видеть нас не хочет.

Я беспокойно ерзаю на стуле.

– Не надо вступаться за меня. Я этого не хочу. Это только усугубляет ситуацию.

От одной лишь мысли о том, что Люцифер будет хорошо ко мне относиться из жалости, у меня на лбу проступает пот.

– Еще как надо. Ты наша подруга. Я хочу знать, почему он так с тобой поступил. Все мы видели, как он хотел тебя.

– Очевидно, перестал в тот момент, когда увидел мою сестру.

– Это еще более странно. Стар очень красивая девушка, но тебе и в подметки не годится, – заявляет Лилит. – Она не подходит Люцу. Он не смотрит на нее так, как смотрел на тебя.

– У меня на этот счет другое мнение. Люцифер смотрит на нее так, словно она сокровище.

– Но на тебя он смотрел так, будто хотел тебя сожрать.

– Сожрать? – Улыбаясь, я поднимаю брови. – Я же не кусок шоколада.

– Ну, ты поняла, что я имею в виду, – Лилит улыбается.

– Честно говоря, нет.

Она прекращает смеяться и становится серьезной.

– Мун, он смотрел на тебя так, словно хотел тебя раздеть,

целовать, касаться языком, снова целовать и быть в тебе. Снова и снова. И не говори мне, что сама этого не видела.

Ладно, это было слишком исчерпывающее разъяснение. Я теперь не смогу избавиться от этих мыслей в своей голове. Я смущенно кашляю.

– Даже если все так и было, он забыл обо мне, когда увидел Стар.

Лилит с сожалением качает головой.

– Твоя сестра очень милая. Но она не ты. Люцифер защищает ее, словно она сделана из хрусталя.

Я чувствую, что у меня начинает болеть голова. Последние пару недель я думала, что все ангелы при дворе Люцифера поддерживают его решение быть со Стар. Но, кажется, Лилит не все равно.

– Может быть, он ее любит, – выдавливаю я, радуясь, что мой голос не ломается. – Мы не можем выбирать, кого любить, а кого нет. Наверное, он просто желал меня. И ничего больше. А теперь он не хочет, чтобы я была рядом. Больше не хочет. Может быть, я сама бросалась ему на шею, а он оказался слишком вежлив, чтобы оттолкнуть меня. Я не знаю. Люциферу было совестно, что я пострадала во время испытаний, но потом он встретил Стар...

Лилит скептически смотрит на меня.

– Ну, думай как хочешь, – медленно говорит она, и я благодарна ей за то, что подруга больше не пытается отвлечь меня очередной ложью.

– Давай не будем об этом говорить. Лучше расскажи, что меня ждет.

Она придвигает стул поближе к себе и садится рядом со мной.

– Если девушка переходит из одного двора в другой, она должна объявить о своем решении архангелам. Для этого и нужна эта встреча. К сожалению, некоторые архангелы используют ее для того, чтобы продемонстрировать свою власть и превосходство. Михаэль ждет не дожидается момента, когда сможет сообщить о твоём решении. Сейчас ты все еще можешь вернуться в пятый небесный двор вместе со мной. Можешь сказать, что передумала.

– Я не вернусь. И не пытайся переубедить меня. Ты поэтому здесь?

Лилит смиренно вздыхает.

– Конечно, нет. Я здесь, потому что ты моя подруга. Я не хочу, чтобы ты думала, что мы оставим тебя в беде. – В ее глазах светится любовь. – Давай посмотрим, что можно сделать с твоими волосами, – Лилит умело проводит пальцами по влажным прядям, – они немного отросли.

– Как сорняки, – бормочу я. – Моя мать всегда говорила, что мои волосы растут, как сорняки.

– Очень сомнительный комплимент, но она права, – Лилит достает ножницы, щетки, расчески и пару баночек из коробки, которую принесла с собой. – Ты сегодня будешь в этом платье?

Я киваю. Я сейчас такая тощая, что действительно отлично влезу в этот крошечный наряд. Мне надо больше есть, хочу я этого или нет.

Лилит ухмыляется.

– Что такое? – спрашиваю я, но она просто качает головой и борется с моими волосами. Лилит что-то отрезает, разглаживает волосы, наносит мазь и крем на них, после чего на моей голове действительно появляется прическа. Она освобождает несколько прядей спереди – это выглядит смело и дерзко. Волосы у ушей одинаковой длины, а сзади – не касаются шеи. Признаю, мне это нравится.

Через час я уже одета. Хотя платье и выглядит сомнительно, сегодня я сыграю свою роль. Я постараюсь сделать это как можно лучше. Лилит искусно, не жалея косметики, подводит мне глаза: теперь они кажутся огромными. Брови выглядят аккуратно, губы блестят розовым. Все это отвлекает внимание от шрамов на моем лице, которые мы, несмотря на указания Михаэля, не маскируем. Мне кажется, что я надела доспехи, и чувствую себя действительно сильнее, чем пару часов назад. Раньше я считала неестественную красоту проявлением легкомысленности, но это, возможно, тоже что-то вроде оружия. И я научусь им пользоваться. Я остановлю уничтожение мира. Все просто: я должна сделать это ради Алессио и отца.

– Готова? – Лилит кладет руку мне на плечо, и я киваю. – Тогда давай пойдем к мужчинам.

Я встаю со стула. Платье, несомненно, очень красивое. Оно обтягивает тело, как вторая кожа. Тонкие бретельки, сзади открытая спина, вырез доходит почти до поясницы. Грудь тоже чрезмерно открыта. Михаэль решил представить меня другим как свой трофей. Что мне с этим делать? На эту битву у меня не хватит выдержки. Мне хотелось бы, чтобы у меня был нож, который можно спрятать в чулке. На всякий случай.

Кассиэль и Сэм, молча сидящие друг напротив друга, поднимаются с мест, когда мы заходим в салон и идем к ним.

– Закройте рты, ребята, – весело говорит Лилит, и они оба действительно уставились на меня, словно я призрак.

Кассиэль откашливается, и его глаза сверкают.

– Ты очень красивая.

– Не надо мне льстить, – отвечаю я. – Я отлично знаю, как я выгляжу.

Он гладит меня по руке.

– Да, но ты видишь только то, что хочешь видеть. Ты замечаешь свои шрамы. Я же, напротив, вижу сильную девушку, которую невозможно победить.

Я чувствую, как мои глаза начинают гореть, и пытаюсь подавить слезы. Я совсем не сильная, почему он этого не видит? Гораздо проще быть сильной для кого-то, кого ты любишь, чем для самой себя. Еще один урок, который я усвоила.

– Это было идеей Михаэля? Ты не можешь отправиться

на небо с ней в таком виде, – говорит Сэм. – У Люцифера крыша поедет, когда он увидит ее в этом платье.

Уголки губ Кассиэля на мгновение поднимаются, но замечаю это только я.

– Тогда это будет значить, что задача платья выполнена.

Я поджимаю губы и игнорирую замечание Сэма. Люцифер не интересуется ни мной, ни уж тем более моими платьями.

– Ну что, пойдём?

Я целую Лилит и Сэма в щеки на прощание, и после Кассиэль берет меня на руки и несет к балкону. Спустя мгновение мы уже летим в вечернем небе. На улице холоднее, чем казалось, и по моим рукам пробегают мурашки. Я кладу голову на плечо Кассиэля и все равно наслаждаюсь полетом.

– Я обещал тебе показать мой небесный двор, – говорит он. – Правда, я бы предпочел, чтобы это произошло при других обстоятельствах, но мы используем эту ситуацию по максимуму. У нас есть еще немного времени, если ты хочешь, чтобы я провел небольшую экскурсию.

– Как будто я могу такое упустить! Я буду рада.

Мы молча летим дальше. Венеция под нами становится все меньше и меньше. Неудивительно, что мы кажемся ангелам какими-то муравьями. С их точки зрения мы действительно крошечные.

Кассиэль ловко приземляется на дорожку из белого гравия. Маленькие камни хрустят под его ногами, и он осторожно опускает меня на землю. Я оказываюсь перед белоснеж-

ным дворцом, шпили которого доходят до самых облаков, и не могу не открыть рта от удивления. Если бы я не знала, что это за замок, то подумала бы, что здесь живет Снежная Королева. Белые стены сияют и блестят. Крыши и лестницы выглядят так, словно сделаны из стекла.

Я поворачиваюсь вокруг себя. Другие небесные дворы парят в воздухе, кажется, совсем недалеко от нас. Их шпили упираются в звездное небо. Дорожки, соединяющие небесные дворы, плавают в воздухе, а ангелы идут по ним так, словно прогуливаются по набережной. Уже от одного взгляда на них у меня кружится голова. Я слышу музыку, повсюду сияют огни, а незнакомые запахи щекочут мне нос. Вверху на небе мерцает молния, и я слышу плеск воды. Все такое нереальное и в то же время знакомое. На горизонте над пятым небесным двором расстилается темнота. На юге и на востоке я замечаю высокие блестящие горы.

– Из чего они состоят? – спрашиваю я у Кассиэля.

– Одна из жемчужного камня, – он указывает на гору на востоке. – А другая – из священного камня. Горы на юге из малахита, а вершина вон той – из сапфира.

– В горах что, горит огонь? Почему они так сияют? Что находится под ними?

Он кивает.

– Мы называем их огненными горами. Там заканчиваются небеса. Никто из нас никогда там не был. Правда, Габриэль собирается отправить туда Люцифера, когда откроются вра-

та рая. Он никогда не позволит ему вернуться.

– А сам Люцифер об этом знает? – встревоженно спрашиваю я. Что тогда будет со Стар, Лилит, Наамой и другими ангелами? Почему Люцифер тогда вообще отстраивает свой разрушенный дворец заново?

– Я не думаю, что Люцифер все еще питает какие-то иллюзии относительно своих братьев. Они всегда были врагами.

Ветер шелестит в кронах деревьев, растущих вдоль дорожек. Плоды, висящие на них, похожи на финики, и к тому же на ветках растут розовые цветы. Я не понимаю, почему Кассиэль рассказывает мне все это. Может быть, для того, чтобы я обрадовалась, что пришла к ним, а не осталась в пятом небесном дворе. Я снова поворачиваюсь к дворцу.

– Это... Я и не знаю, что сказать. А там внутри кто-то живет?

Это здание производит впечатление конструкции, которая расколется на миллион частей при малейшем порыве ветра. Но это впечатление обманчиво, ведь замок стоит здесь уже много тысяч лет. Маленькие кучевые облака парят над стеклянными шпилями.

– Да, причем с комфортом, – смеясь, отвечает Кассиэль. – Пойдем внутрь.

Теперь он выглядит странно взволнованным мальчишкой, который хочет показать подруге любимую игрушку. Мы поднимаемся по лестнице. Мимо нас проходят другие ангелы.

Они приветствуют Кассиэля и внимательно рассматривают меня. Некоторые из них вооружены, другие несут под мышкой пергамент или книги. В коридорах собрались компании женщин-ангелов, не отрывающих от нас взгляда. Интерьер дворца очень необычен. Снизу можно увидеть крышу самой высокой башни. И тем не менее в воздухе парят лестницы, соединяющие крылья замка. Я бы безнадежно потерялась в нем. Но Кассиэль, к счастью, отлично знает, куда нам идти.

– Здесь, внизу, расположены комнаты для аудиенций и бальные залы, – объясняет он. – А эта лестница ведет в библиотеку, – ангел указывает на серебристые перила, уходящие куда-то вниз. – Она находится под дворцом, между облаков. Я покажу ее тебе в другой раз. Там работают тайные ангелы. А наверху располагаются жилые помещения. Если ты когда-нибудь захочешь жить здесь, там и для тебя найдется комната. Остальные ключи тут и живут. Из всех девушек небесного двора Михаэля только вы с Фели остались на земле. Местные покои куда роскошнее, чем те, что находятся во Дворце дождей.

– Могу себе представить.

Пол, по которому я иду, сделан из осколков драгоценных камней, а стены покрыты серебристо-белыми тканями. Это выглядит просто невероятно, и мои человеческие возможности едва ли позволяют описать окружающее великолепие. Все выглядит потрясающе, дух захватывает.

– А сколько девушек выбрал четвертый небесный двор по-

сле испытаний?

– Пять ключей, – отвечает Кассиэль, – включая Фелицию и тебя.

Перед залом, в котором состоится прием, я встречаю Люцифера и Сэма. Сэм прислонился к стене, а Люцифер не может устоять на месте. Я не думала, что увижу его здесь, ведь он и так знает о моем решении. Но после замечания Сэма о моем платье стоило бы догадаться. Когда Люцифер смотрит на меня, края его крыльев вспыхивают пламенем, и он сжимает руки в кулаки. Я ушла из его небесного двора только пару часов назад, и на его лице отчетливо написан гнев. Архангел определенно хотел оставить у себя хотя бы один ключ, а я разрушила все его планы.

Кассиэль защитным жестом кладет руку мне на предплечье. Я вспоминаю слова Лилит, замечая взгляд Люцифера на себе. Он скользит по моему почти обнаженному телу. Еще несколько долгих секунд мы молчим.

– Кассиэль, – раздается вдруг холодный голос Люцифера. Во время нашего утреннего прощания он угрожал мне. Архангел со всей очевидностью продемонстрировал, что ко мне чувствует, или, вернее сказать, не чувствует. Я напомним об этом Лилит в следующий раз, когда она будет говорить всякую ерунду.

– Люцифер, – отвечает Кассиэль на его приветствие.

Я опускаю голову и рассматриваю свои ступни. Я все-таки

пообещала вести себя покорно. Сейчас как раз подходящее время потренироваться. Я могу и хочу игнорировать Люцифера.

– У тебя все хорошо, Мун? – спрашивает Люцифер. Я едва заметно вздрагиваю, и объятие Кассиэля становится сильнее.

И что мне на это ответить? Он что, смеется надо мной? Разумеется, ничего у меня не хорошо, он выбросил меня, как старую тряпку.

– Нет никаких поводов для беспокойства, – отвечает Кассиэль. – С нами она в надежных руках.

– Ну конечно. Ничего иного я от своего брата и не ожидал. Он получил желаемое.

Я пытаюсь расслышать хоть какие-то эмоции в его голосе, но мне это не удастся. Возможно, никаких эмоций там и нет.

Мы по очереди заходим в комнату, где уже собрались остальные архангелы. Здесь я решаю не поднимать голову и рассматриваю серебристую мозаику под своими ногами. Вся эта роскошь и великолепие кажутся такими нереальными. Шум голосов затихает. Конечно, теперь все устались на меня. Впервые в своей жизни я охотно исполняю роль покорной и послушной девушки. У меня не хватит сил на неповиновение, кроме того, близость Люцифера отвлекает меня. Он стоит прямо позади, и я чувствую его тепло. Мне кажется, я слышу, как бьется его сердце. Если я сдвинусь с места, я могу прижаться к нему. Что за глупая и сумасшедшая идея.

Тут никто ни к кому не прижимается. Я делаю шаг вперед, чтобы увеличить расстояние между нами. К сожалению, Люцифер следует за мной, и мне становится еще теплее.

– Мун де Анджелис, – раздается голос, который я узнаю из тысячи. Это Рафаэль, и он направляется в нашу сторону. – Значит, ты выбрала четвертый небесный двор. Как интересно. В моем небесном дворе тебе бы тоже были рады.

Теперь я в ловушке между двумя архангелами. Но Рафаэль куда больше походит на дьявола, чем Люцифер. Но я не отступаю от него.

– Большое спасибо за приглашение, но я довольна своим выбором.

– Проводи нашу гостью на ее место, – требует Рафаэль от Кассиэля, и его тон заставляет меня насторожиться.

Кассиэль сопровождает меня к стулу, стоящему в центре комнаты. На расстоянии двух метров от него стоит стол, за которым уже сидят остальные архангелы. Он расположен так, что я на виду лишь частично.

– Ты сможешь сесть на стул только тогда, когда Габриэль тебе это позволит, – тихо говорит Кассиэль. – Они будут задавать тебе вопросы. Отвечай на них кратко и не позволяй себя провоцировать.

Я киваю и делаю глубокий вдох. Прежде чем Кассиэль уходит, он слегка касается моей ладони, и я скрещиваю руки на груди. Свои места занимают последние прибывшие. Великолепный запах проникает в комнату, и я смотрю в потолок,

когда слуги вносят подносы и миски с едой. Мой живот урчит. Я целый день ничего не ела, да и вчера только позавтракала. Неудивительно, что мне так плохо. Ангелы общаются и с наслаждением едят. Обо мне они либо забыли, либо специально игнорируют. Я и не знаю, как долго там стою. Мои ноги болят, и мне тошно от голода и жажды. Стоит ли попросить о стакане воды? Наверняка они только этого и ждут. Я не знаю, что мне с этим делать. Бокалы со звоном бьются друг о друга, и мне становится невыносимо плохо.

– Даже такая тощая она все равно прелестна, – внезапно говорит Рафаэль, и я напрягаюсь. – Кажется, наши испытания заставили ее присмиреть. Стоило бы взять ее с собой в рай. – Он смеется, и от мысли о том, что я окажусь в его власти, у меня кружится голова.

– Принесите ей что-нибудь попить, – слышу я голос Люцифера. – Иначе она упадет в обморок.

Внезапно все разговоры затихают. Значит, это требование все-таки противоречит протоколу. И я не знаю, стоит ли мне принять напиток, кто бы мне его ни принес. Но мой язык уже прилип к нёбу.

– Сначала скажи им, какой небесный двор ты выбрала, – говорит Михаэль.

Очевидно, он хочет прояснить этот вопрос как можно скорее.

– Четвертый небесный двор. Я выбрала твой небесный двор, – отвечаю я.

– Что, больше не смогла продержаться у Люцифера? – спрашивает Рафаэль.

Я оставляю этот вопрос без ответа.

– Ты готова к церемонии? – спрашивает другой ангел. В этот раз ко мне обращается Габриэль. Он отправляет кусочек булки в рот и с наслаждением жует. Его люди виновны в смерти моего отца, а он сидит здесь, довольный собой, и пристально смотрит на меня. Возможно, именно в этот момент во мне пробуждаются остатки боевого духа.

– Настолько готова, насколько это возможно, когда идешь на верную смерть, – честно отвечаю я.

– Тебе вовсе не обязательно умирать, – медленно объясняет он. – Ты можешь отправиться в рай с одним из нас, – звучит его манящий голос. – Однако... – добавляет Габриэль, накалывая кусок мяса на вилку, – тебе придется слушаться нас, и, возможно, – он снова делает паузу, – тогда мы позволим тебе вкушать плод с Древа жизни.

Я не знаю, какого ответа он от меня ждет, но я поднимаю голову и смотрю ему прямо в глаза. Они нуждаются во мне больше, чем я в них, и я, осознав это, понимаю, что мне нечего терять.

– Думаешь, можешь купить меня? – Я прищуриваюсь и, как мне кажется, слышу, как тихо стонет Кассиэль. – Перспективой вечной жизни? Эта привилегия не очень хорошо на вас повлияла. – Я улыбаюсь ему. – Можешь засунуть свое бессмертие куда подальше. Мне оно не нужно.

Теперь кто-то шипит, и я готова поклясться, что это Люцифер.

– Все такая же непокорная, Мун? – улыбается Габриэль мне в ответ, и я осознаю, что попала в его ловушку. – Тебя что, ничего не может сломить? Ни умирающие друзья, ни огонь, ни предающие и бросающие тебя мужчины...

Я тяжело сглатываю. Это еще что такое?

– Мы не можем допустить того, чтобы одна из вас была такой строптивой, – продолжает архангел, вставая со стула. Он медленно огибает стол и подходит ко мне. – Нам придется тебя проучить.

Я делаю глубокий вдох. И как он собирается меня наказывать? Он может выпороть меня, но я пережила уже столько боли, что стала черствой. Стар в безопасности, и только Тициана он может использовать в качестве оружия против меня. При одной мысли об этом мое сердце начинает биться как бешеное.

Только сейчас я замечаю тонкий хлыст, который Габриэль держит в руке. Он всегда носит его с собой или просто планировал это с самого начала? Скорее, последнее. Я смотрю на Кассиэля, сидящего рядом с Михаэлем. Он побледнел и поджал губы. Едва ли он сможет мне помочь, ведь его статус ему этого не позволит. Ни от кого другого я ждать помощи не могу.

– Ты хочешь меня избить? – Я делаю шаг в его сторону. – Что ты пытаешься этим доказать? – Тем временем в зале на-

столько тихо, что упади на пол иголка – было бы слышно. – Или ты просто садист? У меня власти в тысячу раз меньше твоего, так зачем тебе пачкать об меня руки? – Не знаю, откуда во мне взялась такая смелость, ведь внутри я трясусь как осиновый лист. Я игнорирую всех остальных в комнате. Есть только Габриэль и я.

Архангел ударяет кнутом по своему сапогу. Теперь он совсем рядом. Его симметричное лицо ничего не выражает, но я вижу, как в его глазах плещется гнев.

– Ты еще потеряешь свою гордость, Мун де Анджелис. Как и твой отец когда-то. Он молил о пощаде перед тем, как мои люди перерезали ему горло.

На секунду я закрываю глаза и вижу перед собой своего мертвого отца, как его заносят в библиотеку. Изуродованного, избитого, всего в крови. Габриэль не забыл его. Он ждал подходящего момента, чтобы меня ранить. У меня есть две возможности. Я могу ударить Габриэля по лицу, и тогда он победит. Или я могу сдержать ненависть и злость, отложив их на другой день. Исход этой борьбы решится не сегодня, а в день открытия врат рая. Тогда я плюну ему в лицо перед тем, как умереть. Я сжимаю руки в кулаки и впиваюсь ногтями в свои ладони.

– На колени, – требует он тихо и сердито, потому что ему не удалось спровоцировать меня. Но, судя по всему, он собирается меня бить. Я опускаюсь на колени и склоняю голову. Почти нежно Габриэль проводит кнутом по моей изра-

ненной щеке. Я ожидаю удара и прикусываю нижнюю губу. Я не стану кричать. Не окажу ему такой чести. Чего он ждет? Думает, что я буду умолять его о пощаде? Я ощущаю кожей ветерок, когда он заносит руку с кнутом. В ожидании боли я задерживаю дыхание. В следующее мгновение хлыст наталкивается на что-то, и воздух между нами становится другим. Он кажется более жестким, и Габриэль отшатывается, словно кто-то его оттолкнул.

– Оставь ее в покое, – слышу я скучающий голос Люцифера. – Она нам еще пригодится.

Я поднимаю голову. Пальцы Габриэля обхватили кнут, но он ничего не может с ним поделать, потому что Люцифер возвел между нами невидимый защитный щит. Я осторожно поднимаю руку и провожу по нему кончиком пальца. Щит прохладный на ощупь и кажется живым. Я не знала, что Люцифер на такое способен. Вероятно, это работает только на небесах. Мой взгляд устремляется к нему, но он занят своей едой. Для него, судя по всему, этот вопрос уже решен. Он выглядит равнодушным, но на его виске появляется небольшая венка, когда он вонзает вилку в кусок мяса.

– Ты останешься стоять на коленях, пока мы не закончим, – шепчет Габриэль мне на ухо, – и я не хочу больше слышать от тебя ни звука.

Он выпрямляется и возвращается на свое место. Его крылья вибрируют от ненависти. Люцифер унизил и оскорбил его перед всеми остальными архангелами.

Я обнимаю себя руками и игнорирую всех ангелов вокруг. Я думаю о своем отце, о том, как он научил меня читать и писать, перебираю в памяти моменты, когда он рассказывал мне разные истории. Я вспоминаю о том, как мы со Стар лежали в нашей кровати и я читала ей вслух. Думаю о дне, когда родился Тициан. Ангелы не смогут отобрать у меня все эти прекрасные воспоминания. Но мои колени тем не менее спустя какое-то время начинают болеть. Меня мучают адская жажда и голод. Я стою там, по ощущениям, несколько часов, пока они обсуждают свои пустяковые дела. Наконец ангелы заканчивают с едой и выпивкой и покидают комнату. Я все еще не поднимаю голову. Я не могу. Если я сдвинусь с места, я упаду в обморок.

Знакомая рука ложится на мою шею, и Люцифер становится на колени рядом со мной. Он подносит стакан к моим пересохшим губам.

– Пей, – командует он.

Я быстро глотаю напиток, пытаюсь не смотреть на архангела. Его большой палец мягко двигается по моей пульсирующей сонной артерии. Когда стакан пустеет, он протягивает его Сэму и поднимается с колен.

– Отнеси ее на землю и дай ей что-нибудь поесть! – кричит он на Кассиэля. – Теперь ты ответственен за нее.

Кассиэль закатывает глаза и, ничего не сказав в ответ, помогает мне встать. Мои ноги дрожат.

– Может, мне понести тебя на руках?

Я качаю головой.

– Все в порядке. Мне просто нужна еще минута. Ноги онемели. – Мне стыдно за эту слабость, но я ничего не могу с этим поделать. В кожу словно вонзились тысячи иголок.

– Она не может идти сама. Я возьму ее на руки, – говорит Люцифер Кассиэлю.

– Пожалуйста, не надо, – бормочу я. – Я лучше сброшусь с дворцовой стены. Может, хоть тогда у меня вырастут такие же дурацкие крылья.

Я скупаю по прикосновениям Люцифера, но не поддамся этому чувству.

Сэм тихо смеется, и Кассиэль одним движением подхватывает меня на руки.

– Почему ты ничего не сказала перед тем, как мы полетели сюда? Я даже за столом слышал, как урчит твой живот, – говорит он, шагая прочь из комнаты. – И что мне с тобой делать?

Судя по шагам позади, Люцифер и Сэм следуют за нами.

– Отнести меня в кровать и принести еды. – Я прислоняюсь головой к его плечу. – Все равно, в какой последовательности.

– Завтра утром Сэм придет к вам и проверит, есть ли у нее все, в чем она нуждается! – кричит Люцифер.

Я обвиваю руки вокруг шеи Кассиэля.

– Не бойся его, – говорю я. – Он просто хочет всеми управлять. Это ничего не значит.

– Я знаю, – шепчет Кассиэль, и я чувствую его губы на своей щеке. – Его я не боюсь. По крайней мере, не так сильно, как того, что ты можешь выкинуть в следующий раз.

Я слегка приоткрываю глаза. Люцифер теперь идет рядом с нами. Его лицо выглядит неподвижным, словно маска, но взгляд блуждает по нам с Кассиэлем.

– Я не хотела провоцировать Габриэля, – извиняюсь я перед ними обоими. – Но я не могу вытерпеть всего этого. – Глупая слеза стекает по моей щеке.

Люцифер отворачивается, словно ему больно смотреть на меня в это мгновение.

– Еще как можешь, – говорит Кассиэль. – Ты должна вытерпеть это все. Фелиция просто игнорировала его. Он тоже пытался ее спровоцировать.

– В следующий раз, – обещаю я, – я обязательно буду очень покорной.

Я слышу веселый смех. Сэм идет с другой стороны, но я не вижу его. Но смеялся точно не Люцифер.

– Я устала, – бормочу я.

– Тогда я отнесу тебя в кровать, – говорит Кассиэль.

От этих слов глаза Люцифера загораются. Мне кажется, что я вижу в них гневное пламя, но, возможно, мне только хочется так думать. В момент, когда я хочу взглянуть на него еще раз, он отталкивается от земли и исчезает в облаках.

– Береги себя, Мун, – говорит Сэм, расправляя крылья.

– Люцифер не должен был столь открыто противостоять

Габриэлю, – говорит Кассиэль после того, как и Сэм исчезает. – Защищать тебя на публике – далеко не самый разумный шаг. Вы оба должны научиться справляться со своими чувствами.

– Можешь сказать Люциферу об этом, когда встретишь его в следующий раз, – предлагаю я.

Кассиэль смеется.

– Этого я точно делать не буду. В отличие от тебя я не устал от жизни.

Прежде чем я успеваю что-то ответить, Кассиэль устремляется вниз со мной на руках.

Глава II

Утром следующего дня Кассиэль сидит напротив меня во время завтрака и наблюдает за тем, как я ковыряюсь в еде.

– Невкусно?

Я медленно и задумчиво жую.

– Нет, ты что, очень вкусно.

Вчера вечером мне казалось, что я умру от голода, если не съем хоть что-нибудь, а сегодня мне кусок в горло не лезет. Воспоминания об унижениях Габриэля и собственной глупости камнем легли у меня в животе.

– Не похоже. Если Сэм действительно придет проверить, в порядке ли ты, он побьет меня, если ты ничего не съешь.

– Возможно, ты прав. – Я отправляю вилку с омлетом в рот. – Но я отговорю Сэма.

– Ну, тогда я спокоен. – Кассиэль делает глоток кофе. – Вчера ты вела себя очень смело. Никто из девушек и не смел противостоять Габриэлю.

– Мило, что ты не говоришь, что я поступила безрассудно и глупо.

– А я как раз собирался сказать это в следующем предложении. – Кассиэль нежно улыбается. – Но ты и сама это знаешь.

– Я это понимала и все же не смогла повести себя разумно, – отвечаю я. – Правда, моя судьба и так предрешена, так

зачем же мне притворяться?

– Твоя ситуация действительно непростая. Я и сам это понимаю. Скажи мне, почему ты ушла из пятого небесного двора?

– Потому что я хотела быть рядом с Фели, ты же знаешь это.

– Это из-за Люцифера, не так ли? – Кассиэль не обращает внимания на мой ответ.

Я лишь киваю, потому что не готова рассказать ему о том, что доверилась Люциферу целиком и полностью. Доверила свое сердце и свое тело. Возможно, он и так знает об этом.

– Мне стоило послушать тебя. Но я не могла. Я всегда думаю, что знаю больше других.

И это моя самая большая ошибка.

– Мне жаль, что я оказался прав. – Кассиэль проводит рукой по своим голубоватым волосам, и на его голове воцаряется легкий беспорядок. – Я не могу загладить свою вину за то, как я с тобой поступил, но позволь помочь тебе сейчас.

– Чем? – Я смотрю ему прямо в глаза. – Мы не сможем продолжить там, где остановились.

– Я этого и не хочу, Мун. Как я и сказал, я просто хочу быть твоим другом.

– Единственного друга, который у меня когда-либо был, разорвало бомбами, которые предназначались не для него. Я не думаю, что ты хочешь пойти по его стопам.

– Я не смогу заменить тебе Алессио. – Глаза Кассиэля ста-

новятся темнее, и я вижу в них жалость. — Если ты хочешь и если ты будешь чувствовать себя лучше там, ты можешь днем ходить в библиотеку. К себе домой. Ты не обязана находиться здесь все время. Фелиция тоже бывает у родителей, а дома тебя сможет навещать Тициан. Мне только нужно поставить охранника у твоей двери, чтобы ты не сбежала, — последнее предложение он говорит извиняющимся тоном.

— Куда мне бежать?

Сначала я хочу отказаться от этого предложения. Все в нашем доме напоминает мне о прежнем счастливом времени. Но потом мне приходит идея. Оттуда я смогу отправиться на поиски своей матери. Заставить ее дать ответы, которые мне так нужны. Пусть Кассиэль ставит охранника у двери. Ни один ангел четвертого небесного двора не пойдет за мной в катакомбы, и, держу пари, она прячется именно там. Мой план просто безумен, но я не могу так легко от него отказаться.

— Михаэль разрешит?

Кассиэль скучающе смотрит на меня, но мне кажется, что его предложение не такое простое.

— Я же сказал, Фелиция тоже живет дома. Ты будешь находиться под наблюдением, и тебе нельзя будет одной покидать библиотеку.

— Поэтому ты остался и не полетел в Париж? Чтобы присматривать за мной?

— Я остался, потому что не хотел, чтобы ты была одна. Я

все-таки у тебя в долгу, и если могу хоть немного облегчить твою жизнь, я с радостью это сделаю.

– Тебя мучает совесть? Ты наверняка обманывал не только меня, но и других девушек.

– Ты что, никогда не совершала ошибок? Не делала вещей, о которых позже жалела? – Кассиэль вопросительно поднимает одну бровь, а затем убирает со стола посуду.

– Ну, нет, совершала, – признаюсь я спустя мгновение. – Я делала то, о чем жалею сейчас. Разные глупые вещи.

Правда, эти поступки в основном причиняли вред мне самой. Мне стыдно, что я собираюсь использовать чувство вины Кассиэля ради своей выгоды.

– Тогда я с радостью пойду в библиотеку.

Кассиэль с облегчением улыбается.

– Мы можем потренироваться вместе, тебя это отвлечет.

Не думаю, что мне еще хоть раз в жизни придется с кем-то бороться, но отказаться не могу. Пара тренировок поможет мне избавиться от гнева. И вот я уже не могу дождаться этого момента.

– Когда мы сможем туда пойти?

– Когда захочешь. – Кассиэль улыбается. – И когда все съешь.

– Хорошо, сейчас. – Я засовываю в рот яйцо и помидоры и встаю, как только тарелка пустеет.

Кассиэль качает головой, смеясь над моим нетерпением.

– Сейчас вернусь. – Я отправляюсь в свою комнату, мою

руки и чищу зубы. Кассиэль принес мне не только платье, но и другие вещи. Они все удобные, легкие и вместе с тем теплые. Я надела брюки, сапоги и черную блузу с коротким рукавом.

— Надень еще куртку, — говорит он, когда я выхожу из комнаты. Я не хочу, чтобы он пожалел о своем решении. Кассиэль прислонился к стене напротив и задумчиво рассматривает меня. — День ото дня становится все холоднее, и если ты хочешь пойти в сад... — Он молчит и, как мне кажется, вспоминает о том, как мы там целовались. Такое чувство, что с тех пор прошла целая вечность.

В салоне, уставившись на меня, стоит огромный ангел.

— Это Анфиэль, — поясняет Кассиэль. — Он ангел-воин четвертого небесного двора, и именно он будет отвечать за твою безопасность вплоть до дня Открытия. Михаэль настоял на этом, — добавляет Кассиэль, извиняясь.

Гигант с короткими каштановыми волосами и огромными руками выглядит устрашающе. Его крылья такие же скучно-коричневые, а шрамы на груди составляют жутковатый узор. Вероятно, он сражался против Люцифера в обеих небесных войнах.

Я лишь киваю, потому что Кассиэль никуда не пустит меня без этого охранника, и тогда мы все вместе покидаем покои четвертого небесного двора. Дворец дождей кажется совсем пустым.

Бок о бок мы идем по пиацетте. После посещения четвер-

того небесного двора обычная жизнь венецианцев представляется мне какой-то нереальной. Люди снуют по площади или идут на работу так, словно на них не надвигается конец света. Как им это удастся? Как они могут так безразлично относиться к своему будущему? Они совсем не боятся? Или все еще верят в сказки о том, что ангелы желают для нас только лучшего? После их злодеяний полагаться на подобное просто невозможно.

В моей голове роятся сотни разных мыслей. Стоит ли мне попытаться найти свою мать? Понятия не имею. Она оставила меня в беде. Но я хочу знать, какие планы строит Братство. Я должна помешать им убить еще больше невинных людей. Как она могла взять на себя такую вину? И как она с этим живет? Это из-за нее Альберта, Алессио и многие другие мертвы. Что моя мать знает о связи нашей семьи с ангелами? И что она от меня скрывает? Я не стану ее марионеткой. И я должна сделать что-то большее, чем всего лишь *не сказать* решающих слов в день церемонии. Стоит ли мне забрать Стар у Люцифера? Пойдет ли моя сестра со мной? Она все-таки добровольно пришла в его небесный двор. Люцифер не посмеет разбить сердце еще и ей. Впервые я спрашиваю себя, не любила ли Саризель его по-настоящему? Может быть, она была на него так зла из-за того, что он обращался с ней, как с половой тряпкой? Если бы Люцифер хотя бы объяснил, почему предпочел мне Стар... Плевать. Все это осталось в прошлом.

Неподалеку я вижу Нааму и Сэма. Они не спускают с нас глаз, когда мы идем по площади. По крайней мере, Сэм не подходит к нам и не спрашивает у меня, хорошо ли я поела.

Мария машет мне рукой. Она стоит у своего прилавка, но у меня совсем нет времени говорить с ней. Если Люцифер уже забрал Стар с собой в Париж, я больше никогда ее не увижу. Интересно, ангелы живут там в Версальском дворце Людовика XIV?² Сады³ бы точно понравились Стар, а ангелам – вся эта роскошь.

Я напряженно открываю дверь в библиотеку и поворачиваюсь к Кассиэлю:

– Ты сможешь оставить меня одну? Хотя бы сегодня. Мне нужно немного времени, чтобы побыть наедине с собой.

Ангелу это не нравится. Я замечаю недовольство в его глазах, но он не станет отказывать мне в просьбе.

– Я заберу тебя незадолго до заката, – говорит он. – Анфиэль будет ждать тебя на улице. Не забывай о главном правиле. Тебе нельзя покидать библиотеку.

Я киваю.

² Версаль – дворцово-парковый ансамбль во Франции, бывшая резиденция французских королей в городе Версале, ныне являющемся пригородом Парижа. С 1682 по 1789 год, до Великой французской революции, Версаль являлся официальной королевской резиденцией.

³ Имеются в виду сад Тюильри (*фр.* le jardin des Tuileries), построенный со всей архитектурной строгостью, деревья в котором высажены ровными рядами, и везде преобладает геометрия; сады Версаля в том же классическом стиле регулярного французского парка с правильной планировкой, выраженной симметричностью и регулярностью композиции.

– Я и не буду.

Кассиэль уже не помнит, как я тащила его по катакомбам? Возможно, он действительно об этом забыл. Ангел был очень слаб и боялся темноты. Но возможно, он не думает, что я осмелюсь спуститься в темные коридоры, когда моя жизнь вне опасности.

– Мне сказать Тициану, что ты тут? Ты хочешь его увидеть? Тебе в любое время разрешено принимать гостей.

– Было бы замечательно. Сэм и Лилит знают, где он сейчас живет. Но до полудня Тициан в школе.

– Я позабочусь об этом. – Кассиэль внимательно смотрит на меня, словно пытается угадать, не замышляю ли я чего-нибудь. Я смотрю ему в глаза не дрогнув.

Наконец он слегка сжимает мою руку, а затем поворачивается и уходит. Анфиэль бросает на меня мрачный взгляд и встает у двери. Он наверняка считает, что охранять человека ниже его достоинства.

Я бегу вверх по лестнице, открываю дверь и захожу в комнату. Прислоняюсь к высокой двери изнутри и делаю глубокий вдох. Я снова дома. Тяжесть камня, вот уже больше двух недель лежавшего на моей груди, становится легче. Воздух в квартире спертый, но он все еще такой родной, что на мои глаза наворачиваются слезы. Я медленно иду по комнатам, провожу рукой по книжным корешкам, столам и стенам. Я выхожу в наш сад и срываю последние листики мяты. В небе я вижу несколько летящих ангелов и, как мне кажется, заме-

чаю крылья Кассиэля.

Открываю окна, чтобы проветрить комнаты. Я так долго прятала здесь Стар и следила за тем, чтобы ни один ангел ее случайно не обнаружил. Но это время прошло.

Я выпускаю в квартиру солнечный свет и свежий воздух, меняю постельное белье, хотя в этом нет необходимости, вытираю пыль. Я знаю, что таким образом я просто откладываю неизбежное. Когда у меня больше не остается домашних дел, я беру со стола Тициана мел, который он использовал раньше. Надеваю другие вещи. Затем зажигаю свечу, вставляю ее в фонарь и иду ко входу, ведущему в катакомбы. С тех пор, как я сбежала из тюрьмы, я там больше не бывала. Затхлый запах заставляет меня затаить дыхание. Но я все равно спускаюсь все ниже по лестнице.

Я решаю пойти направо, потому что этот коридор расположен глубже. Вода достаточно быстро оказывается на уровне моих бедер, но, несмотря на холод, я пробираюсь дальше. Помечаю каждую колонну мелком Тициана, чтобы потом найти путь домой. Рисую стрелки на каждом углу и развилке.

Дважды я поднимаюсь по лестницам, но оба раза проходы оказываются замурованы. Я рисую крестики на колоннах, ведущих туда, чтобы не забыть об этом в следующий раз. Было бы неплохо найти настоящую карту, и я решаю поискать такую в библиотеке попозже. Когда мне становится настолько холодно, что я дрожу, я возвращаюсь в дом. Мне нужно ста-

раться преодолевать более длинные расстояния, иначе я никогда не найду свою мать. Сегодня я встретила только крысы: ни одного члена Братства.

Вернувшись в библиотеку, я стираю брюки и обувь, вешаю их сушиться на солнце и надеваю вещи, которые мне принес Кассиэль.

Потом нахожу в библиотеке пару книг и ложусь на наш диван. Остаток дня я провожу за чтением, пью чай и дремлю. Не могу вспомнить ни единого дня, когда у меня в распоряжении было так много времени, и я могла делать все, что хотела. Это удивительно приятно, и поэтому я просто наслаждаюсь бездельем вместо того, чтобы искать карту подземных ходов Венеции в библиотеке. Этим я займусь завтра.

Вечером, как мы и договаривались, Кассиэль забирает меня во Дворец дожей. Я так благодарна ему за этот день, что бросаюсь ангелу на шею. Он сначала удивляется, но затем прижимает меня к себе крепче. Когда я от него отстраняюсь, мы оба смущены.

– Мне это было очень нужно, – тихо говорю я. Я чувствую себя отдохнувшей и уже не такой бессильной перед своей судьбой. Я не просто жду конца. Я не знаю, что выясню в ходе своих исследований, но хотя бы не бездельничаю.

– Это меня радует, – говорит Кассиэль. – Я поговорил с Тицианом, и он зайдет к тебе завтра. Сначала он хотел броситься на меня и побить, – продолжает ангел. – Но маленькая подружка остановила твоего брата.

Я улыбаюсь, но в то же время и беспокоюсь.

– Может быть, мне стоило сказать ему, что не ты, а отец Кьяры рассказал о моих планах Нерону.

– Стефано Росси ее отец? – спрашивает Кассиэль, когда я закрываю дверь, и мы спускаемся по ступенькам к пиацетте.

– Ты что, не знал?

Он качает головой.

– Да, это он. Я рада, что у Тициана есть Кьяра. Если он узнает о предательстве ее отца, то, наверное, будет чувствовать, что должен прекратить эту дружбу.

– Тогда не рассказывай ему об этом, – говорит Кассиэль. – Это явно ничего не изменит, а она кажется хорошей девочкой. Кьяра не несет ответственности за грехи своего отца.

– Но если мы не скажем ему о том, что произошло, он будет всегда на тебя злиться.

– Предоставь это мне, – тихо говорит Кассиэль. – Я с ним поговорю. Как мужчина с мужчиной.

– Ему двенадцать, – напоминаю ему я.

– В наше время в двенадцать ты уже мужчина.

Я вздыхаю и обращаю взгляд в небо. Я замечаю расправленные черные крылья. Они кружатся над нами, и я тут же отвожу взгляд. День был таким прекрасным и спокойным! Я не хочу, чтобы он оказался испорчен.

– Ну ладно, – сдаюсь я.

Последние несколько недель заставили меня убедиться в том, что я не могу контролировать все на свете, как бы мне

ни хотелось. Поэтому это дело я предоставляю Кассиэлю.

Следующая неделя возвращает что-то вроде рутины в мою жизнь. По утрам я завтракаю с Кассиэлем в большом салоне четвертого небесного двора. Он всегда просит приносить продукты, которые я особенно люблю, и, так как Кассиэль действительно старается ради меня, я почти все съедаю. Ангел развлекает меня историями о небесах и заставляет смеяться. Лилит часто составляет нам компанию. С тех пор, как Кассиэль попросил ее сделать мне прическу перед моим визитом в четвертый небесный двор, она от нас не отстает. Каждый раз, когда Лилит приходит, Кассиэль закатывает глаза. Она сообщила ему, что Люцифер поручил ей навещать меня хотя бы раз в день, но я не строю себе иллюзий на этот счет. Он наверняка просто хочет убедиться в том, что я буду стоять на своем месте в день Искупления, а они с Сэмом, видимо, заняты более важными делами. К счастью, Люцифер не взял Стар с собой в Париж, и она все еще недалеко от меня.

Каждый день я исследую катакомбы чуть больше, но все еще не нашла ничего, что указывало бы на расположение укрытия Братства. Каждый день ко мне приходят Тициан и Кьяра. Единственная, кто растворилась в воздухе, это Фелиция. Очевидно, ее мать так больна, что подруга сидит с ней рядом даже по ночам. А я каждый вечер возвращаюсь во Дворец дождей. Я задаюсь вопросом, не дал ли Михаэль Кассиэлю приказ держать нас подальше друг от друга.

– Рафаэль торгуется с Форфаксом за каждую книгу, которую тот хочет вернуть в библиотеку Люцифера, – рассказывает нам Кассиэль этим утром. – И при этом каждый ангел знает, что Рафаэль никогда в жизни книги в руках не держал. Просто для него это дело принципа.

Я поставила ногу на стул и положила подбородок на колесо. Я охотно слушаю Кассиэля, когда он рассказывает о своем доме.

– Ты скучаешь по жизни на небесах или тебе больше нравится жить на земле?

– Сейчас я скучаю по ней, – признает Кассиэль, бросая в рот клубнику. – Там сейчас намного теплее.

– Ты можешь носить куртку, – предлагаю я. – Как мы, люди.

Он с наигранным ужасом смотрит на меня.

– И скрыть свой стальной торс под еще большим количеством ткани, чем это делает рубашка?

Лилит смеется, и Кассиэль подмигивает мне.

– Если ты не заметила, ангелы достаточно много думают о своей внешности, – говорит она. – Правда, тело Сэма более впечатляющее, чем твое.

Кассиэль корчит гримасу, но не выглядит обиженным. Я смеюсь. Так происходит все время. Эти двое постоянно пытаются меня подбодрить, и у них это отлично получается. Тем временем я уже привыкла, что мы так часто находимся одни. Очень редко другие ангелы спускаются к нам, и если

даже они оказываются здесь, то полностью меня игнорируют. В отличие от Люцифера Михаэль послал в Париж почти весь свой двор.

– Мне действительно нравится на земле, – признается нам Кассиэль. – Вечные ссоры небесных дворов очень утомляют. Боюсь, после Открытия станет еще хуже.

Мы стараемся избегать разговоров о нашем совместном прошлом и будущем людей. Мы друзья. Хотя это, возможно, и наивно, я не думаю, что Кассиэль предаст меня еще раз.

– Я в любом случае рада, что ты здесь.

Я имею в виду именно то, что сказала. Кассиэль стал мне опорой. Я не знала, куда пойти, когда покинула небесный двор Люцифера.

– Значит, мы прояснили этот вопрос.

Кассиэль встает со стула, и я знаю, что он имеет в виду не только этот конкретный момент, но и наши отношения в целом. Я простила его.

Лилит прощается со мной и обнимает.

– Желаю тебе хорошо провести день.

Через час Кассиэль провожает меня до библиотеки. На пиацетте мы покупаем хлеб, сыр, помидоры и фрукты. Он настаивает на том, чтобы заплатить за меня, а его счастливое лицо меня забавляет.

– Как долго Тициан сегодня будет в школе? – спрашивает ангел, когда мы стоим у прилавка Марии. С арены до нас доносятся звуки лязга мечей.

Я не хочу вечно избегать Марии, и она радуется нашему визиту не только потому, что Кассиэль оставляет ей большие чаевые. Конечно, он может дать мне с собой продуктов из Дворца дождей, но он любит покупать их на рынке.

– До двух часов, – отвечаем мы с Марией в один голос. Она знает расписание моего брата лучше меня. За последние несколько недель она успела взять его под свое крыло.

Кассиэль убирает голубоватую прядь с лица. Мириам, одна из многочисленных кузин Марии, которая недавно стала ей помогать, смотрит на ангела с нескрываемым восторгом. Я не могу упрекать ее за это. В нем снова появились мальчишеские черты, да и вообще он всегда дружелюбен к ним обеим.

– Тогда я постараюсь вернуться вовремя. Я пообещал ему обучить его новым ударам.

Мириам тихо вздыхает. Наверное, она бы с радостью посмотрела на них обоих во время битвы.

Кассиэль одаривает ее очаровательной улыбкой, и я толкаю его в бок. Он вздрагивает и робко улыбается. После этого ангел забирает пакет из рук Марии и кладет руку мне на плечо.

– Не надо этого делать, – ругаю я его, когда мы идем дальше. – Мириам очень впечатлительная.

– Я просто дружелюбно веду себя, – говорит он. – Мы все должны быть добрее к людям. Ты сама так говорила.

Я удивленно качаю головой.

– Ты отлично знаешь, что я имела в виду не *такое* дружелюбие.

– Разумеется, – отвечает Кассиэль, когда мы подходим к библиотеке. – Я исправлюсь.

Когда я киваю, он отдает мне пакет с едой на день и отталкивается от земли. Его крылья еле двигаются. Как и каждый день, Кассиэль ждет, пока я не закрою дверь и не помашу рукой на прощание из окна. И тогда он летит в четвертый небесный двор. Сегодня вечером, когда ангел вернется, он будет упражняться с Тицианом и немного потренируется со мной. После этого мы пойдем во Дворец на ужин, поговорим друг с другом или почитаем, пока не настанет время идти спать. Мне бы так хотелось, чтобы Кассиэль не был ангелом и я могла бы рассказать ему об успехах моих исследований.

Как и планировалось, я начала просматривать старые карты, которые собирал мой отец. Я пока что ничего не нашла, но, возможно, карты катакомб просто не существует. Вдвоем нам было бы проще, но Кассиэль, к сожалению, последний, которого я могу просить о помощи. Может, мне стоит рассказать об этом Тициану и Кьяре. Они единственные люди, с которыми я сейчас общаюсь. Однако эта затея кажется опасной.

Я отношу еду на кухню и сразу же спускаюсь в библиотеку. Картографическая секция огромная, и все в ней не очень хорошо отсортировано. В полдень раздается стук в дверь. Кроме моего брата, у которого есть ключи, обычно никто ко мне

не приходит. Сначала я раздумываю над тем, чтобы проигнорировать посетителя, но нельзя исключать возможности того, что что-то случилось со Стар или Тицианом. Когда я открываю дверь, к своему удивлению я вижу на пороге Нааму и Сэма. Они смотрят на меня немного виновато.

– Мы можем войти? – спрашивает Сэм.

Я чувствую облегчение от того, что не пошла сегодня в катакомбы. Мое отсутствие едва ли можно было бы объяснить. Я быстро стряхиваю пыль со своего свитера. Сегодня я осмотрела две полки, на которых располагались карты всех возможных мест на свете, кроме подземного лабиринта Венеции. На самом деле визит ангелов заставляет меня чувствовать себя неловко.

Мой взгляд устремляется на Анфиэля. Он молчалив, но не груб. Правда, сейчас я была бы не против, если бы он запретил им обоим посещать меня. К сожалению, он уважает верховных офицеров Люцифера и поэтому тут же кивает. Стояли ли они когда-нибудь на поле боя друг напротив друга?

Я отхожу в сторону.

– Что-то случилось? – спрашиваю я, когда дверь за нами закрывается. – У Стар все в порядке? – Я чувствую, как мое лицо бледнеет. Разумеется, с моей сестрой что-то случилось, иначе зачем им приходиться. Я не говорила с Сэмом с момента конфликта с Габриэлем, кроме того, Лилит наверняка рассказывает ему о том, как у меня дела. Ему не нужно было бы

сюда приходиться.

– Мы пришли сюда не из-за Стар, – ворчит он. – Мы переживаем за тебя.

Мои глаза округляются.

– За меня? У меня все отлично.

Наама фыркает.

– Ну конечно. Безусловно, проводить свои дни в этом огромном и прежде всего холодном здании – просто потрясающе занимательно.

– Это здание – мой дом, – отвечаю я. – А вечером придут Тициан, Кьяра и Кассиэль.

– Мы знаем. – Сэм окидывает Нааму мрачным взглядом. – Ты пригласишь нас войти или нам уйти? – Он слегка улыбается, поднимая корзину в руках. – Мы принесли кое-что из еды. Очень хотели прийти к тебе в гости.

Судя по всему, ангелы пытаются меня откормить. Не знаю, что мне с этим делать, но их забота меня трогает.

– Конечно, вам не надо никуда уходить. Я рада, что вы пришли.

И я действительно рада, меня саму это удивляет. Я скукаю по этой дружеской компании.

Улыбка Сэма становится шире, и он, кажется, чувствует облегчение.

Поднявшись в квартиру, Наама бродит по ней. Она похудела и побледнела с нашей последней встречи. Наверняка уже через пару минут девушка спросит у меня разрешения

пойти в комнату Алессио. Я пока не могу преодолеть себя и зайти туда. Все осталось так же, как и было при нем. Я убра-лась во всем доме, но только не в его комнате. Как будто он еще вернется. Это глупости, но я не хочу стирать Алессио из своей жизни. Когда я прихожу сюда утром, я представляю себе, что он еще спит. А вечером, когда ухожу, я делаю вид, что он остался в больнице у Пьетро. Это самообман, и он работает плохо.

Я прикусываю губу, потому что к моим глазам подступа-ют слезы. Я обмениваюсь взглядами с Сэмом, который тоже беспокоится о Нааме. Он распаковывает деликатесы, кото-рые ангелы принесли с собой. Пироги с сыром, кусочки дыни и клубника, мясо на шпажках, помидоры и свежеиспеченная фокачча⁴ с оливками. По сути, эта еда – просто издеватель-ство над страданиями моих братьев-людей.

– Я принес чуть больше, чтобы ты могла дать Тициану что-нибудь с собой, – смущенно поясняет он. – Для семьи, у ко-торой он живет. Возможно, они обрадуются этому.

Я тронута и тут же вспоминаю о сыне, которого он поте-рял. Вероятно, поэтому Сэм интересуется тем, как дела у мо-его младшего брата. Оба невинных мальчишки были вовле-чены в войну, которая их не касается. Но во время войн так и происходит: страдают невинные.

⁴ Фокачча – итальянская пшеничная лепешка, которую готовят из различных видов теста – либо дрожжевого, которое является основой для пиццы, либо прес-ного сдобного.

– Большое спасибо. Он, может, и живет там, но приходит ко мне каждый вечер.

– Это хорошо, – говорит Сэм, усаживаясь на стул, пока я достаю тарелки из шкафа. – Люцу не нравится, что ты так часто остаешься с Кассиэлем наедине, – нерешительно говорит ангел. – Он задается вопросом, чем вы с ним занимаетесь.

Я удивленно поднимаю брови.

– Как чем? Мы кувыркаемся на шелковых простынях.

Наама выдвигает из-за стола стул и садится на него.

– Я с радостью передам ему эту информацию. Лишь для того, чтобы посмотреть на его лицо. – Она злобно улыбается. – А что вы на самом деле делаете?

– Мы с Кьярой, это подруга Тициана, часто читаем или сортируем книги в библиотеке. Кассиэль тренируется с Тицианом. Мне хоть и не нравится это, но Тициан пообещал, что не будет сражаться на арене. Кроме того, он очень талантлив, и от этого безмерно счастлив.

– Я тоже мог бы с ним потренироваться, – предлагает Сэм. – Кассиэль, конечно, сражается неплохо, но...

Я скрещиваю руки на груди.

– С чего это? Потому что ты мой друг или потому что Люцифер отправил тебя сюда в качестве шпиона? Откуда он вообще знает, что я прихожу сюда каждый день? Он разве не в Париже? Там же ищут ключ.

Наама тянется за куском хлеба.

– Люцифер знает все, кроме того, что мы приходим к те-

бе в гости, – говорит она между делом. – Он запретил нам. Каждый вечер Люц возвращается из Парижа и просит нас докладывать о каждой мелочи. О том, когда Кассиэль отводит тебя в библиотеку, как долго ты там находишься и кто приходит к тебе в гости.

Люцифер каждый день возвращается сюда? Неужели он не может выдержать ни единого дня без моей красивой сестры в своей постели? Жгучее чувство ревности ни капли не ослабло за все эти дни. Это просто унижительно. Я не хочу испытывать ничего подобного.

– Но, очевидно, его запрет вас не заботит, – говорю я равнодушно, доставая два стакана из шкафа и ставя кувшин с лимонадом на стол.

– Он может указывать нам, на каком фронте сражаться, – говорит Семьяса. – Но не может решать, с кем нам дружить, а с кем – нет.

Я наливаю лимонад в их стаканы, и мы чокаемся.

– За дружбу, – говорю я, и они повторяют эти слова. Мне бы хотелось ничего от них не скрывать. Чувствовал ли себя Кассиэль так же, когда не помог мне? Правильно ли это – предавать своих друзей ради высшей цели или ради того, что считаешь правильным? Я понятия не имею, что мы можем сделать для того, чтобы предотвратить открытие врат рая. Теперь, когда Альберта умерла, я должна обсудить это со своей матерью. Мне не нравится то, что я зависима от ее решения. Может быть, мне удастся уговорить Кассиэля раз-

решить мне посетить Пьетро. Но позволит ли он мне пообщаться с ним наедине? Наверняка приблизить меня к ангелам в качестве ключа было только первым его шагом. От бездействия я нервничаю.

– Как у него получается каждый день возвращаться сюда? – спрашиваю я. – Париж же очень далеко.

Мне нравится мысль о том, что Люцифер измотан каждый день после вечернего полета.

Сэм откидывается на спинку стула.

– Для нас это недалеко. Мы сначала летим в небо, а оттуда в кратчайшие сроки добираемся до любой точки мира. Где бы ты ни был на земле, вид на небеса всегда одинаковый. Ты что, не знала?

Я качаю головой. Да и откуда мне знать? Никто никогда не рассказывал мне об этом.

– Как дела у Стар? – спрашиваю я после того, как допиваю лимонад. Мне все еще кажется ошибкой то, что я оставила сестру одну, хотя сейчас она в безопасности. По крайней мере, пока Люцифер не променяет ее на еще кого-нибудь. Что он, как хочется надеяться, делать не будет.

– Она скучает по тебе, – говорит Сэм. – Но в остальном хорошо у нас прижилась.

– Как думаете, вы сможете хоть раз привести ее сюда? – осторожно спрашиваю я. – Стар наверняка скучает по дому. Так она могла бы тоже видаться с Тицианом время от времени.

– Люц никогда этого не позволит, а у нее от него нет тайн, – отвечает Наама на мой вопрос. – Мне кажется, ты и не хочешь, чтобы он приводил ее сюда.

Я быстро качаю головой. Об этом не может быть и речи.

– Тогда вы могли бы взять с собой пару кусочков мозаики. Феникс разрушил ее картину.

– Люц найдет их и поймет, что у нас есть от него небольшой секрет. Почему Феникс это сделал?

– Ему было больно. Стар стала всей его жизнью, а Люцифер забрал ее.

– Она пошла с ним добровольно, – поправляет меня Сэм. – Тебе стоит сказать ему об этом еще раз.

– А почему она сделала это? – обращаюсь я к нему. Я снова и снова вспоминаю сцену в библиотеке. Люцифер увидел Стар и сказал:

– Я нашел тебя. Я уже и не надеялся.

А Стар ответила ему:

«Я ждала тебя здесь».

Я не понимаю, что они оба имели в виду. Но чем дольше я думаю об этом, тем яснее мне становится, что это не могло быть пустой фразой. За ней скрывается что-то большее. Я была слишком шокирована, когда Люцифер так быстро бросил меня. Сегодня я мыслю гораздо яснее и за это благодарна Кассиэлю. Его спокойная и ненавязчивая забота вернула меня на землю. Если бы я раньше пришла к этому выводу, я бы могла еще в пятом небесном дворе спросить у Стар, что

происходит. Но она ни разу не пыталась объяснить мне ситуацию.

– Раньше он крутил всеми женщинами как хотел.

«*И тобой в том числе*», – слышу я в интонации Наамы.

– Это не ответ.

Между нами происходит дуэль взглядов, и Наама проигрывает.

– Сэм? – обращаюсь я к нему. – Там скрыто что-то большее.

Слова звучат, вероятно, слишком умоляюще, но он качает головой.

– Боюсь, что нет, – медленно говорит ангел, сначала даже не поднимая на меня глаз.

– Знаете что? Вы, ангелы пятого небесного двора, лжете еще хуже, чем ваш господин.

Когда они уйдут, я буду искать информацию в Новом Завете. Он находится в библиотеке, а Откровение – его часть. Мне не нужна их полуправда и их ложь. Кроме того, я давно привыкла сражаться одна. И то, что Люцифер что-то планирует, а не танцует под дудку своих братьев, я поняла сразу же, когда увидела записи в его кабинете. Я должна узнать, какую роль во всем этом играет Стар. Вряд ли это изменит факт того, что он влюбился в нее с первого взгляда. Если бы Стар была нужна ему только для воплощения плана, он бы доверился мне. Мы бы могли бороться вместе. Я не Саризель и никогда бы его не предала.

В комнате воцаряется неловкая тишина.

– Кассиэль сказал нам, что ангелы уже определились с семью девушками, которые примут участие в испытании ключей.

– Будут бросать жребий или ангелы снова смогут устроить аукцион? – спрашиваю я, чтобы нарушить тишину.

– Жребий решит их судьбу, – говорит Сэм. – Раф хотел избежать катастрофы, которая произошла с тобой, но Люц все равно не интересуется ни одной из девушек. Нам пора идти. – Он смотрит на Нааму.

– Можно мне еще на секунду зайти в его комнату? – спрашивает она, не произнося имя Алессио.

Я киваю.

– Конечно. Оставайся там, сколько хочешь.

– Тогда я пойду один, – говорит Сэм. – Береги себя.

Последнее предложение он адресует мне.

– Я буду в библиотеке, если тебе что-то понадобится.

– Я совсем ненадолго.

– Ты злишься на нас, – говорит Сэм, когда я провожаю его до двери. – И я это понимаю. Можно ли нам все равно приходить к тебе время от времени? Для нее это важно. Смерть Алессио сломала Нааму, хотя она и пытается делать вид, будто ничего не произошло. Я не помню, чтобы она когда-нибудь была такой. После того, как нас заперли, она стала злой и расстроенной. А сейчас она в отчаянии, и мне это не нравится. Наама всегда была такой смелой.

– Она может приходить так часто, как пожелает, и я не сержусь на вас, – отвечаю я. – Я все еще немного зла на Люцифера, но все в порядке. Я уже смирилась с тем, что... – Я останавливаюсь и пожимаю плечами, потому что не знаю, как закончить это предложение. Кроме того, это тоже ложь.

– Ты очень ему дорога, Мун. – Сэм кладет руку мне на плечо. – Он не может вести себя иначе.

– Как скажешь. – Я открываю дверь и тем самым завершаю разговор. – До скорого, Сэм. Передавай Лилит привет от меня.

– Ты же видела ее сегодня утром, – укоризненно говорит он мне, и я улыбаюсь.

– Лилит не позволяет Кассиэлю себя прогонять, да и я рада, что она рядом со мной.

– Она очень упрямая и если чего-то хочет, всегда это получает. Люц бесновался и кричал на нее, а Лилит просто стояла перед ним, скрестив руки на груди, и спокойно слушала его проповеди. После этого она повернулась и ушла в четвертый небесный двор. С тех пор он ни слова ей не сказал.

Я улыбаюсь.

– Она самая смелая из вас.

– Я знаю. Она всегда такой была. Может, ты этого не знаешь, но... когда Леа умирала, Лилит держала ее на руках. Я никогда не забуду этого.

Мне хотелось бы что-то ответить на это, например то, что я отлично это знаю, потому что видела произошедшее во сне.

Или то, что он идиот, потому что не видит, как сильно Лилит любит его. Но наша дружба сейчас на распутье, и я не хочу лишний раз обременять Сэма.

Я возвращаюсь в библиотеку и ищу Новый Завет. Откровение имеет пророческий характер. У отца, разумеется, есть бесчисленное множество версий Библии, а также разные издания Ветхого и Нового Завета. Но было у него и любимое издание. Он записывал в нем свои мысли, и когда я читаю эти заметки, мне кажется, что он рядом со мной.

Забрала ли Стар свою книгу с собой? Она была так важна для нее. Работает ли она в покоях Люцифера над ней? Позволяет ли ему читать ее?

Если бы я вместо его спальни пошла в его кабинет в ночь перед последним испытанием... Я бы пережила меньше страданий и узнала бы больше информации. Но сейчас, как и прежде, я пытаюсь нащупать хоть что-нибудь в темноте. Из библиотеки можно проникнуть в кабинет. Я наверняка смогу найти путь туда через катакомбы. В этот раз я иду туда сильной и здоровой, а не наполовину обезумевшей. Я знаю, что смогу ориентироваться там, и это не займет больше времени, чем каждодневные вылазки. Стоит ли мне туда отправиться? Смогу ли я разузнать больше о планах Люцифера?

В третьей комнате библиотеки я нахожу искомое издание Нового Завета. Я внимательно читаю его следующие несколько часов, делаю заметки и сравниваю их с теми, что оставил на полях отец. То, что он написал, читается с тру-

дом, но я все же провожу по строкам пальцами, пытаюсь разглядеть. Я так сильно скучаю по нему. Над этими текстами целыми веками трудились ученые и теологи, но они не пришли к единому мнению насчет интерпретации. Разве я могу все выяснить всего за пару часов? Правда, эти теологи ничего не знали о возвращении ангелов. Они и не могли верно истолковать пророчества. А я могу попытаться. Я еще раз просматриваю текст, но несмотря на то что мой опыт общения с небесными созданиями обширнее, чем у всех исследователей Библии, я не нахожу ничего нового к концу своих поисков. Я припоминаю, что читала в кабинете Люцифера:

«У трона Господа стоят другие троны, на которых восседают серафимы и архангелы. Вокруг стоят семь херувимов с факелами в руках. Агнец получает от Бога свиток, скрепленный семью печатями. Когда ломается первая печать, появляется первый из четырех всадников. Он сидит на белой лошади и держит в руках лук и стрелы. Второй сидит на огненно-красной лошади и держит меч в своих руках. Третий, восседающий на черной лошади, держит в руках весы. А четвертый всадник на бледной лошади – это смерть. Он получит власть над четвертью земли».

Тогда я думала, что это он – тот самый всадник на бледном коне. Но кто тогда другие? Возможно, на белой лошади сидит Михаэль, а на черной – Уриэль. Огненно-красный конь бы тоже подошел Люциферу. Кроме того, я уверена в том, что в тексте Люцифера были упомянуты ключи, кото-

рые должны были произнести святые слова. В книге отца речи об этом не идет, но он всегда говорил мне, что именно ключи положат начало Апокалипсису. С чего он это взял? Было ли это то самое тайное знание, которым обладает наша семья? Именно поэтому я должна была стать ключом, чтобы все это остановить.

Я внимательно читаю дальше и волнуюсь все больше с каждой минутой. Ответы на мои вопросы прячутся где-то между этих строк. Я лишь должна верно истолковать предложения.

Мои глаза останавливаются на словах «чаши гнева», скользят дальше к высказыванию о том, что на чела ста сорока четырех тысяч человек будут положены печати Бога. Все соберутся. Затрубят трубы, и горы и острова двинутся с мест своих. Описания всех земных ужасов становятся все более диковинными. Речь идет еще и о том, что ангелы должны сразиться с драконом. В христианской мифологии дракон тождественен Люциферу. Версия Откровения передо мной заканчивается словами: *«Я послал Ангела Моего засвидетельствовать вам сие в церквах. Я есмь корень и потомок Давида, звезда светлая и утренняя. И Дух и невеста говорят: прииди! И слышавший да скажет прииди! Жаждающий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром»*⁵.

Раньше Люцифера называли утренней звездой. Он звался

⁵ Книга Откровений 22:16–17.

«светоносным». И только со временем его роль изменилась, когда ангел превратился в сатану и абсолютное зло. Как я теперь знаю, виноваты в этом другие архангелы. Они навязали ему эту роль. Хотя он и бессердечный, но точно не злой.

– *«И Дух и невеста говорят»*, – бормочу я. – Невеста.

Разве это возможно? Мое сердце сжимает ледяная рука. Утренняя звезда и его невеста. Так ясно написано, хотя невеста и не упоминается в версии, лежащей у Люцифера в кабинете. Все же, скорее всего, эта невеста играет важную роль. Неужели судьба Стар была предначертана? Знала ли она об этом? Рассказал ли ей об этом наш отец, скрыв этот факт от меня? Но почему тогда она ждала, пока он ее не нашел? Почему просто не пошла к нему?

Многие вопросы остаются без ответов, но завеса тайны медленно приподнимается. Люцифер никогда не заводил отношений с человеческой женщиной, как сказали Наама и Лилит, но сейчас живет вместе со Стар. Он даже берет ее с собой на праздники на небеса. А меня он прятал в своих покоях. Он планирует править раем вместе с ней? Они собираются решать, кому можно вкусить с Древа жизни, а кому нет? Мои руки трясутся от мысли о том, что они будут жить вечно. Будет ли Стар с ним счастлива?

Я прижимаю книгу к груди и отправляюсь в раздел библиотеки, в котором лежат карты. Сейчас важнее найти план. Я должна вернуться в кабинет Люцифера, чтобы сравнить обе версии. Возможно, есть еще какие-то различия. Если

Люцифер днем находится в Париже, а ночью – в кровати Стар, наверняка он мне не помешает.

Когда Кьяра и Тициан приходят ко мне вечером, я быстро убираю уже просмотренные карты обратно на полку. Я не хочу втягивать их во все это. По крайней мере, до тех пор, пока я смогу держать это в тайне. Кроме того, надо избежать того, чтобы Кьяра могла случайно разболтать своему отцу, чем я тут занимаюсь.

Мы идем на кухню, и вскоре к нам присоединяется Наама. За своими исследованиями я совсем про нее забыла. Она провела в комнате Алессио почти весь день. Ей явно стало лучше, потому что она больше не выглядит такой напряженной, как раньше, хотя ее глаза и блестят от слез.

– Ты хочешь поесть с нами? – спрашивает Кьяра, придвигая тарелку с нарезанными фруктами к Нааме. – Ты была девушкой Алессио, верно? – Наама тянется за кусочком яблока и медленно его жует. Она не отвечает. – Он постоянно о тебе рассказывал, – продолжает Кьяра, – а Стар собиралась нарисовать ему твой портрет.

Я тяжело сглатываю и задаюсь вопросом, как Наама выдерживает подобные расспросы.

– А где он? – нерешительно спрашивает она. – Можно мне посмотреть?

Кьяра чешет затылок. Судя по всему, она только сейчас поняла, что сказала.

– Он всегда носил его с собой, – тихо говорит она. – Я ду-

маю... – Девочка прерывается и смотрит на меня в поисках поддержки.

К моему удивлению, Наама улыбается вместо того, чтобы расплакаться.

– Значит, в момент смерти он был не один.

Большие карие глаза Кьяры наполняются слезами.

– Да, думаю, так и было. Но ему для этого и не нужен твой портрет.

– Ты умна не по годам, – говорит Наама. – Спасибо, что рассказала мне об этом.

– Мы все по нему очень скучаем.

Наама сглатывает и поворачивается к Тициану.

– Я слышала, что ты хотел научиться драться.

Смена темы меня смущает, но брат быстро кивает.

– Хочешь показать мне, чему тебя уже научил Кассиэль?

Прежде чем я успеваю возразить, брат встает со стула.

– Ты тоже идешь с нами, – говорит она Кьяре. – Женщины тоже должны уметь сражаться не хуже мужчин, а ты для этого уже достаточно смелая.

Кьяра вскакивает с места и берет Нааму за руку.

– Кассиэль ни разу мне этого не предлагал.

Изумленная Наама хлопает глазами, но не отпускает маленькую руку девочки.

– Значит, настало время твоего первого урока.

Мы тренируемся до самого вечера. Кьяра достаточно умело метает ножи и много раз побеждает Тициана. Правда, он

лучшее нее прыгает на скакалке, и в итоге у них ничья.

— Надо более уважительно относиться к девушке, которая тебе нравится. — Наама похлопывает его по затылку, и тот краснеет. — Держу пари, Алессио учил тебя этому.

Кьяра ухмыляется, а Тициан смущенно кивает.

Незадолго до заката мы отводим Кьяру и Тициана домой. Анфиэль следует за нами словно тень. У меня не было дня, когда я думала о нашем будущем меньше, чем сегодня. Я чувствую себя отлично, и, думаю, Наама тоже.

— Спасибо, — говорит она, прощаясь со мной около четвертого небесного двора. — Я бы с радостью это повторила.

— Я тоже, — отвечаю я, обнимая ее. — Ты понравилась Кьяре.

— Она мне тоже нравится. — Щеки Наамы алеют, как будто ей стыдно. Я не могу представить себе, что она будет спокойно смотреть на то, как оба ребенка погибают во время Апокалипсиса.

Два дня спустя Кассиэль раньше обычного отводит меня в библиотеку. Сегодня воскресенье, и площадь пустует, потому что рынок не работает. На улицах непривычно тихо.

— Скажешь мне, в чем дело? — Я толкаю его в бок. На небесах я вижу удивительно много пар крыльев, и это меня беспокоит.

— Через пару часов в Париже состоится первое испытание ключей, и мне нужно там присутствовать.

— Значит, скоро найдут последнюю девушку. Вы, должно

быть, рады этому.

Он проводит рукой по волосам.

– Меня это совсем не радует. Если бы все было так, как я хочу, никакой рай нам не понадобился бы.

Неожиданно слышать от него такие слова, но Наама и Лилит уже высказывали подобные мысли.

Кассиэль переходит на шепот:

– Рай не стоит всего этого.

Чтобы понять, что он имеет в виду под «этим», мне не нужно ни о чем его расспрашивать.

– Ты уже знаешь, что это будет за испытание?

– Нет. Мы узнаем об этом только на старте.

– Ты нашел хоть одну девушку из тех, кто участвует?

Он почти негодуяше качает головой.

– Я сказал Михаэлю несколько недель назад, что больше не могу быть охотником за ключами. Я же тебе уже говорил. Ты думала, я соврал?

Думала ли я так? Откуда мне знать, чем он там занимается, когда летает на небеса по утрам. Правда, меня это и не касается. Может быть, Кассиэль уже не охотник, но он все еще один из подданных Михаэля.

– Надеюсь, тебе не пришлось ссориться с ним по этому поводу.

– Я, к собственному удивлению, обнаружил, что признание Михаэля не так много для меня значит, как я думал.

Мы подходим к входу в библиотеку.

– Когда ты вернешься? – спрашиваю я, поглаживая его по руке.

– Только завтра. Тебе удобно будет остаться в библиотеке на ночь? Иначе тебе придется одной спать в покоях четвертого небесного двора. Но, кажется, здесь тебе будет комфортнее.

– Я с радостью останусь тут. Большое спасибо, что ты позаботился об этом.

Кассиэль, кажется, испытывает облегчение.

– Значит, увидимся завтра. – Я целую его в щеку, и он явно удивлен моим жестом. Все это для него не так просто, как я раньше думала.

– Я не могу пожелать вам удачи. Думаю, ты это понимаешь.

– Я этого и не ждал. Будь осторожна.

– И ты тоже.

Я смотрю ему вслед, наблюдая за тем, как Кассиэль присоединяется к другим ангелам, собравшимся на площади.

У меня в распоряжении будет целый день и целая ночь. Тициан хотел сегодня пойти в гости к Кьяре, а это значит, что я смогу спокойно поработать над планом.

Я осторожно поднимаюсь в дом. Дверь слегка приоткрыта. Это заставляет меня нахмуриться. Обычно я слежу за тем, чтобы все двери были закрыты. Вряд ли кто-то из мародеров осмелится залезть в библиотеку, потому что все в Венеции знают, что меня защищают ангелы, но здесь что-то

другое.

Я медленно открываю дверь и прислушиваюсь. Если кто-то внутри роется в наших вещах, я должна это услышать. И я действительно слышу грохот посуды, в котором тонет скрип двери, которую я открываю еще шире. Кто бы там ни находился, у него явно есть преимущество, ведь я безоружна. Может быть, я хотя бы смогу удивить его своим появлением. Я на цыпочках пробираюсь в гостиную. На одном из стульев висит знакомая мне кожаная куртка.

– Черт возьми, Феникс! – кричу я, поворачивая за угол. – Обязательно было так меня пугать?

Он выглядит куда лучше, чем той ночью в таверне. Его щеки уже не такие впалые, а глаза не красные от алкоголя. Светлые волосы аккуратно собраны в хвост. Он стоит у шкафа на кухне, словно ничего не произошло, и готовит эспрессо в нашем маленьком серебристом чайничке. Я улавливаю запах корицы, которую он всегда добавляет, и остаюсь на месте, когда замечаю, что он пришел сюда не один.

У окна еще один человек, и, хотя она стоит ко мне спиной, я сразу же ее узнаю. Это моя мать. Значит, мне больше не надо ее искать. Еще мгновение я пребываю в шоке и не знаю, как на это реагировать. Я осторожно опускаю корзину с едой на стол и рассматриваю влажные следы, которые ее сапоги оставили на полу кухни. После этого я перевожу взгляд на Феникса.

Он выглядит не таким потерянным, как во время нашей

последней встречи, и в отличие от меня не скрывает своих чувств. Правда, вероятно, только я вижу боль в его глазах, потому что мои чувства зеркально в них отражаются.

– Мун, – резко говорит он. – Я кое-кого к тебе привел.

Они оба, судя по всему, пришли сюда через катакомбы. На моей матери накидка Братства, и она явно не стала бы разгуливать в ней по Венеции среди бела дня. Что ей от меня нужно? Может быть, она собирается отругать меня за то, что я не осталась со Стар? Это всегда было ее любимым занятием. Я никогда не была достаточно хороша и достаточно быстра. Она всегда заставляла меня преодолевать границы возможностей, а я хотела, чтобы она меня просто любила. Почему я никогда не замечала того, какая она жестокая?

Мать поворачивается ко мне лицом.

– Нам нужно поговорить, – начинает она. – Пришла пора тебе узнать, для какого задания я тебя воспитывала.

Никаких тебе «Привет, доченька, как дела? Тебе одиноко? Тебя кто-то обидел?». Она меня даже не обняла. Пытаюсь проглотить свое разочарование. Я старалась найти маму, потому что хотела попросить больше не убивать невинных людей. Возможно, я всего лишь искала сочувствия и поддержки. Не стоило так стараться, потому что она, разумеется, знала, где я, и не собиралась меня поддерживать. А сейчас она внимательно меня разглядывает. Правда, с тем вниманием, которое офицер уделяет солдату перед тем, как отправить его на передовую, туда, где его точно ждет смерть.

Я придвигаю к себе стул и сажусь на него, потому что мои ноги дрожат.

— Я уже стала ключом. Тебе этого недостаточно? Я просто не скажу нужные слова. Это же был твой план.

— Нет, к сожалению, этого недостаточно, — говорит она, подтверждая мои давние опасения. Она задумала что-то еще, и я уверена в том, что мне это не понравится.

Я смотрю в сторону Феникса. В его глазах на мгновение появляется жалость, но затем эта искра исчезает. Его мать оставила отца, когда Феникс был совсем маленьким. Он никогда не слышал ничего о ней, а отец был алкоголиком, избивавшим собственного сына. Если кто-то и заслуживает сочувствия, так это он. У меня хотя бы было счастливое детство.

— Хорошо. Давай поговорим. Что мне еще сделать?

Мать удивленно хмурит лоб. Не знаю, какой еще реакции она от меня ожидала.

— Когда Пьетро посвятил тебя в наш план, он не обо всем тебе рассказал.

Конечно, нет. Как будто я этого не знала. В голове мечутся мысли. Передо мной стоит женщина, родившая и воспитавшая меня. Она научила меня читать и сражаться. Утешала меня по ночам, когда я чего-то боялась. По утрам перед школой она готовила для меня овсяную кашу с медом и ухаживала за мной, когда я болела. Я помню, как она обнимала или целовала меня. Если бы кто-то спросил, я бы ответила,

что она хорошая мать. Я думала, что она любит нас. Всех троих.

Сейчас же черты ее лица жестче, чем раньше, она выглядит строже. Темные волосы заплетены в косу. Невозможно представить, что женщина, облаченная сейчас в темные кожаные вещи и накидку, когда-то носила яркие летние платья и красила губы помадой. Раньше она сидела на коленях у отца и смеялась. Накручивала наши волосы на свои тонкие пальцы. А сейчас она сжала руки в кулаки. Это единственные эмоции, которые она показывает. Я никогда не знала, что мы так похожи. Всегда думала, что я больше похожа на отца. Но это неправда. Я сразу же узнаю свои черты в ее лице, полном решимости.

– Наш план идет куда дальше. Сделать тебя ключом было только первым шагом, – говорит она.

– Ты знаешь, что произойдет, когда я не скажу святые слова? – тихо спрашиваю я. – Я умру, не правда ли?

– Так или иначе, все мы умрем, – отвечает она. – Ты должна понять, что для нас, людей, спасения нет. Мы можем попытаться задержать конец света.

– И для этого ты меня воспитывала? – У меня внутри все леденеет. – Ты всегда знала, что придется мной пожертвовать?

Она отворачивается к окну.

– Кровь линии Еноха передается по женской линии. И так уже много поколений. Если бы ангелы вернулись раньше,

остановить их было бы моей задачей или же задачей твоей дочери, вернись они позже. Но нравится тебе это или нет, ответственность лежит на тебе. Это было predetermined, и все женщины в нашей семье, жившие до тебя, тоже могли бы умереть из-за этого.

Мысль о том, что у меня мог бы быть ребенок, завладевает мной. Он был бы рожден не для меня, а для всех остальных людей, которые ничего бы не узнали бы и, вероятно, ненавидели бы моего ребенка из-за взрывов. Могу ли я судить за это свою мать?

– Что я должна сделать? Я уже устала от этих тайн. Ты могла бы рассказать нам обо всем перед тем, как ушла от нас.

Она никак не реагирует на этот упрек.

– Мы не должны рисковать и ждать до самой церемонии Открытия, – отвечает мать, и мне кажется, что она слегка расслабилась.

Неужели она не ожидала, что я соглашусь? Думала, что я буду возражать?

– Мы не знаем, что именно произойдет, если врата не откроются. Скорее всего, ангелы убьют тебя, потому что ты их обманула. Но что потом? Для уничтожения мира им все еще будет не хватать одной девушки. Кровной наследницы.

Ее голос становится увереннее с каждым словом.

– Им потребовалось восемь лет, чтобы найти девятнадцать девушек. Если ни одной из них не останется в живых, им потребуется как минимум столько же времени, если не

больше, чтобы найти новых. Да и сколько кровных наследниц всего существует? Может быть, они и не найдут всех девушек во второй раз.

Я хлопаю глазами. Наверняка я просто ослышалась.

– Так что ты имеешь в виду под «ни одной из них не останется в живых»?

– Ты их убьешь, – говорит она холодно. – Ты единственная, у кого есть с ними контакт или хотя бы возможность встретиться. Единственная, от кого я могу этого потребовать. Они прячут девушек, но я уверена, что ты скоро узнаешь, где они.

Я бы рассмеялась, услышав такое предложение, но она действительно думает, что я сделаю это, и настроена серьезно. Я снова смотрю на Феникса, который стоит неподвижно. Я скрешиваю руки на груди.

– И как, по-твоему, я должна убить восемнадцать девушек? По одной или всех сразу?

– Мы здесь как раз для того, чтобы обсудить это. Сколько ключей ты уже встретила?

Значит, мои циничные высказывания не возымели эффекта.

– Пока что только Фелицию, – честно отвечаю я. – Большинство девушек живут на небесах, при дворах ангелов, которые они выбрали после испытаний. Не думаю, что встречу хоть одну из них до церемонии.

Я не скажу ей, что Фели живет с отцом. Мать сумасшед-

шая и тут же побежит в тот дом, чтобы собственноручно убить мою подругу. Если бы это было возможно, лицо моей матери окаменело бы еще больше. А чего она ждет? Что я принесу ей девушек на блюдечке с голубой каемкой?

– Ты попросишь Кассиэля доставить тебя в небесный двор Михаэля, – требует она. Женщина достает маленькую темную бутылочку из-под своей накидки и протягивает ее мне. – Этот яд действует быстро и безболезненно. Пьетро сам его изготовил. Ты должна постараться добавить его в напитки как можно большего количества девушек. Пары капель будет достаточно для каждой из них.

Судя по всему, она окончательно обезумела. Даже если я и встречу девушек, я не стану их убивать. Я бы с радостью бросила бутылочку в стену, но вместо этого я забираю ее из рук матери. Я никогда этого не сделаю. Девушки ни в чем не виноваты, как и я. Феникс, видимо, понял, о чем я думаю, он наклонился вперед и прожигает меня взглядом.

– В этой игре нет невиновных, ведь речь идет о спасении человечества, – говорит он. – Каждый день, выигранный нами, позволяет приблизиться к знанию, как победить ангелов.

И как вернуть Стар. Ведь его интересует только это.

– Ты думаешь, если мы убьем девятнадцать девушек, мы спасем человечество?

А меня кто убьет, когда я откажусь принять яд? Я не задаю этого вопроса вслух, оставляю эти мысли при себе. Очень странно, что я равнодушна к этой идее, как будто речь идет

совсем не обо мне. Мой разум еще не понимает, чего от меня требует моя же мать. Как он может принять такое?

Феникс не спускает с меня глаз и медленно кивает.

– Если бы Стар была ключом, – шепчу я, – согласился бы ты на это? И позволил бы мне отравить ее?

Феникс сглатывает и проводит рукой по волосам. Разумеется, он никогда бы не допустил того, чтобы кто-то хоть пальцем тронул мою сестру.

– У этих девушек тоже есть родители, братья, сестры и мужчины, которые их любят, – объясняю я.

Моя мать продолжает смотреть на меня без каких-либо эмоций. Это все равно что разговаривать со стеной. Она готова жертвовать своей человечностью и убивать невинных ради того, чтобы спасти человечество, или, лучше сказать, отложить его кончину.

Самое интересное в этой логике состоит в том, что большинство людей с ней согласятся. Но это большинство не сидит здесь: их не заставляют осуществлять этот план.

– Мне надо подумать об этом.

– Вероятно, ты не сможешь убить их всех. Но, чем меньше девушек останется, тем больше времени выиграешь. Мы верим в то, что ты сделаешь верный выбор, ведь у нас почти не осталось времени. После сегодняшнего испытания наверняка появится фаворитка, которую все сочтут последним ключом, и тогда ангелы постараются как можно скорее довести дело до конца. Каждый день важен.

– А что со Стар? – спрашиваю я. – Какое у нее задание? Ты говорила, что защищать Стар необходимо тщательнее, чем раньше. Она в беде? Люцифер что-то сделает с ней, или она с ним в безопасности?

Мать должна ответить мне хотя бы на этот вопрос.

Женщина застывает, а Феникс вдруг становится похожим на льва перед прыжком.

– Стар будет в опасности, если ты потерпишь неудачу, – загадочно говорит она.

– Что ты имеешь в виду?

Мать встает со стула и подходит ко мне. Она садится передо мной и берет мои ладони в свои. Этот жест такой странный и в то же время доверительный.

– Самое важное правило, когда ты сражаешься на стороне сопротивления, заключается в том, что каждый должен знать только то, что ему необходимо знать. Ты покинула двор Люцифера, хотя я сказала тебе, что ты должна защищать свою сестру. Так ты сделала его своим врагом.

– Я не могла остаться.

– А я не могу сказать тебе, в чем задача Стар. Если ты потерпишь поражение, если архангелы узнают, что мы задумали, и то, что мы общаемся друг с другом, они, возможно, станут пытаться тебя, чтобы выяснить наши планы. Мы не хотим идти на этот риск. Если ты не знаешь чего-то, ты не можешь это рассказать, что бы они с тобой ни делали. Ты понимаешь? Это служит твоей и нашей безопасности, но прежде

всего так мы защитим Стар.

– Я бы никогда ее не выдала, – говорю я. – Я лучше умру.

– Я знаю, дитя мое. – Мать убирает прядь волос с моего лица. Она не говорит этого, но я слышу в своей голове ее немые слова:

«Вот и умрешь».

– Как я могу тебя найти?

– Никак. В этом не будет необходимости.

– Но вы прячетесь в катакомбах, не так ли?

Она кивает.

– Мои разведчицы сказали, что ты была там. Не трать на это свою энергию. Ты не найдешь нас. Феникс может послать мне сообщение. Но лучше будет, если мы не будем видеться. Теперь ты знаешь, чего мы от тебя ждем.

Значит, мы прощаемся навсегда? Она приходит в наш дом, требует от меня чего-то невозможного и снова исчезает? Она серьезно? Я аккуратно ставлю бутылочку на стол.

– Я требую платы за это, – говорю я уверенным голосом.

Мать удивленно смотрит на меня.

– Что? – спрашивает она спустя какое-то время, когда наши взгляды встречаются. – С чего ты вообще взяла, что можешь чего-то требовать?

– Я хочу, чтобы ты прекратила эти бессмысленные убийства. Хватит убивать невинных людей.

– Невинные люди умирают каждый день, дитя мое, – отвечает она. – А терактами мы отвлекаем их от важных вещей.

От нашего истинного плана. — Держу пари, она не собирается рассказать мне, в чем состоит этот истинный план. — Мы отвлекали их от тебя и от Стар, — к моему удивлению, говорит она. — Мы должны были делать это, чтобы никто не узнал, к чему готовится твоя сестра.

— И поэтому ты основала Братство? — Я не могу поверить. Это просто безумие. — Неужели не было более простых способов защитить нас, чем организовать банду, убивающую невинных людей? Ты могла уйти вместе с нами. Мы могли вместе покинуть Венецию. — Я готова кричать.

— Ты все еще ничего не поняла, Мун. Ваше место, твое и Стар, — здесь, в Венеции. Это ваша борьба, и я сделаю все, чтобы вы были готовы ко дню Искупления. Братство существует уже тысячи лет. Мы не отдадим ангелам рай. Он им не принадлежит.

Мне плевать на рай. Как по мне, пусть архангелы радуются и живут там. Я хочу предотвратить Апокалипсис, но не таким путем. Я сердито поворачиваюсь к Фениксу.

— Ты теперь тоже член Братства? — Моя мать всех превратила в марионеток. Я готова лопнуть от злости. — Что скажешь об этом гениальном плане Братьев света?

— Братья света, — отвечает Феникс, игнорируя мой сарказм, — на удивление, совсем не братья, а исключительно сестры. У мужчин нет доступа к этому знаменитому обществу. Было очень умно держать это в тайне. Это женщины, которые спасут нас от ангелов. — Его рот искривляется в

улыбке. — Я лишь ничего не значащий солдат в этой войне.

Прямо как я.

— Сестры? — Я смотрю на свою мать, вставшую на ноги и натянувшую капюшон на голову. — Ты вербовала только женщин?

— Мужчины слишком часто подталкивали мир к грани уничтожения в мировой истории, — отвечает она скучающим голосом. — Наступило время, когда женщины могут взять судьбу человечества в свои руки.

— Начало хорошее, — сухо подмечаю я. — Очень женская стратегия — жертвовать несколькими людьми ради остальных. Желаю удачи.

Феникс фыркает, и впервые за все утро я думаю о том, что он, вероятно, не совсем согласен с планами моей матери.

— Некоторые решения приходится принимать ради блага всех людей. Выполняй свое задание, у меня есть мое. Я сама найду способ выбраться из всего этого, — прощается она, и после этого я слышу, как закрывается дверь.

Я растерянно хлопаю глазами. И это все? Вот тебе бутылочка, отрави восемнадцать невинных девушек и ничего не спрашивай? И для этого она меня воспитывала, а затем покинула? На самом деле ее решение логично, хоть и временно. Если не принимать во внимание тот факт, что осуществить этот план невозможно. Когда я должна успеть сделать все это?

Я задаюсь вопросом, бывала ли она у нас дома. Проведы-

вала ли нас ночью? Проверяла ли, все ли у нас хорошо? Наверняка нет. Мне уже пора прекратить тешить себя ложными надеждами. К сожалению, я уже давно не такая крутая, как мне хотелось бы, ведь раньше я еще поразмышляла бы над ее предложением. Но я не могу. Она даже не дала мне возможности поговорить с ней. Просто потребовала исполнить ее план безо всяких объяснений. Да пошла она к черту.

Феникс внимательно смотрит на меня.

– Мне очень жаль, что я оставил тебя одну в баре в ту ночь. Я был сам не свой.

– Все в порядке. Она же меня спасла. Ради своих целей, правда.

Ну да, теперь мать может меня использовать. Это невероятно, поразительно и бесчеловечно. Если бы я не привыкла к тому, что я все время одна, меня бы добила эта встреча. Феникс крутит в руках маленькую ложку.

– Почему ты не осталась со Стар? Теперь она одна в этом пятом небесном дворе.

– Просто не смогла, – выдавливаю я. – Я пыталась.

– Это не ответ на мой вопрос. Почему ты ушла оттуда?

– Мы с Люцифером... Ну... Я думала, что значу для него хоть что-то, но затем он увидел Стар, и, что бы ни было между нами, это в мгновение ока закончилось.

Феникс поджимает губы.

– Хочешь сказать, он заменил тебя ей.

– Иного объяснения мне и не найти. В те дни я тоже бы-

ла сама не своя, – повторяю я его слова. Мне стоило бы сказать Фениксу, что Люцифер выбрал Стар своей невестой. Но я не могу. – Теперь мне интересно, скрывается ли за всем этим что-то большее, – осторожно говорю я. – У Стар, должно быть, есть какое-то особенное задание, и моя мать знает об этом. Поэтому нужно защищать Стар, чего бы это ни стоило. Это не значит, что я надеюсь на то, что у Люцифера остались какие-то чувства ко мне, – быстро добавляю я.

Пусть Феникс не держит меня за идиотку. Но я не буду сообщать ему эту новость: лучше спросит об этом мою мать.

– Думаю, их не осталось, ведь он так легко от тебя отказался, – сразу же отвечает он.

– Люцифер во мне больше не нуждается, – тихо говорю я. – Я выполнила свой долг. Теперь мне лишь нужно произнести слова на церемонии, чтобы врата открылись. Так как я не смогу их произнести, вероятно, он собственноручно свернет мне шею.

– Ты сделаешь то, что требует от тебя мать?

– Ты об убийстве невинных девушек? – Я корчу гримасу. – Даже не знаю, с чего она взяла, что я это сделаю.

– Она говорила, что вырастила тебя именно для этого и сообщила своей маленькой армии, что ты сделаешь все, что она скажет.

– Она себя переоценила. Может, мать меня и вырастила, но после этого оставила меня одну. Я ей ничего не должна.

Я задумчиво смотрю на стол. Феникс варит свежий эс-

прессо. Во Дворце дождей есть только простой кофе, и я действительно с нетерпением жду этого темного варева.

– Наверное, мне стоит сказать тебе о том, что Фели – член Братства. Надо бы тебе поговорить с ней о твоей матери.

Я только начала распаковывать коробку с едой, как вдруг остановилась.

– Что, прости?

– Уже год как, – добавляет он.

Я глотаю ртом воздух. Это просто невозможно. Фели знала, что моя мать жива, и ничего мне не сказала?

– Она из-за этого вызвалась на испытание ключей?

– Вероятно. У нее было задание – поддерживать тебя. Твоя мать давно завербовала ее и готовила ко всему этому, но она не рассчитывала на то, что Фели окажется ключом.

На то, чтобы переварить эту информацию, потребуется время.

– Меня действительно удивляет то, что мать не сдала наши планы Нерону лично. Я уверена, она обо всем знала. Что бы она сделала, если бы я сбежала с братом и сестрой?

– Она бы не позволила вам сбежать, – сухо говорит Феникс. – Она просто одержима предотвращением открытия врат. Твоя мать пойдет ради этого на любые жертвы.

– Даже на убийство собственных детей, – задумчиво бормочу я. – *«Я послал Ангела Моего засвидетельствовать вам сие в церквах. Я есмь корень и потомок Давида, звезда светлая и утренняя. И Дух и невеста говорят: прииди! И слы-*

шавший да скажет приходи! Жаждающий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром»⁶, – цитирую я. – После Апокалипсиса и открытия врат Люцифер хочет оставить часть мира себе; Стар будет его невестой, и они возьмут с собой сто сорок четыре тысячи человек, пока остальные будут умирать. Поэтому мать так отчаянно защищает Стар. Она хочет быть одной из этих людей.

– А какова роль Стар во всем этом? – Феникс бледнеет, потому что сразу же понимает, в чем дело. Если он надеялся, что Стар вернется, эта надежда тотчас разрушилась. Почему я не умолчала о части про невесту? Почему он заставляет меня вновь это произносить?

– Стар – та самая невеста. До недавних пор я не была уверена в этом на сто процентов, но теперь картина сложилась, – извиняющимся тоном говорю я.

– Я этого не допущу. – Он закрывает лицо руками, а затем сжимает руки в кулаки.

Я не могу смотреть на него в таком состоянии.

– Может быть, я ошибаюсь. – Меня не удивит, если Феникс сейчас просто возьмет что-нибудь из моего оружия и ворвется в Дворец дождей.

– Тогда я останусь и помогу тебе, – шепчет он. Но я все равно слышу, как дрожит его голос. Я встаю с места и достаю из шкафа тарелку.

– Мы должны просмотреть все толкования и апокрифи-

⁶ Книга Откровений 22:16–17.

ческие тексты об Апокалипсисе. Кроме того, у нас в распоряжении есть множество записей моего отца. Если бы мне пришлось делать это самой, то потребовались бы годы – но этим временем я не владею.

К тому же последние несколько дней я потратила на поиски карты катакомб для того, чтобы пробраться в кабинет Люцифера.

– Я прочту любой дурацкий свиток, что ты мне дашь. Невеста! – Феникс громко смеется. – Только через мой труп.

На самом деле ему стоило бы порадоваться этому. Люцифер будет носить ее на руках и защищать. Но я не озвучиваю эти мысли. Понимание того, что Люцифер предначертан Стар судьбой, и так слишком тяжело дается Фениксу.

– Кассиэль будет в Париже до завтра, но тебе придется придумать, что сказать ему, когда он вернется.

– Это меньшая из наших проблем. – Феникс разливает эспresso по двум чашкам. Я кладу ричарелли⁷ на тарелку. – Целую вечность их не ел, – говорит парень, протягивая руку к тосканской миндальной выпечке. Он молча засовывает печенье в рот, и мне кажется, что он даже вкуса не успел почувствовать.

– Я пыталась найти план катакомб, – рассказываю я ему. – Оттуда можно попасть в кабинет Люцифера. Я пойду туда еще раз. – Кончиком пальца я убираю крошки с тарелки.

⁷ Ричарелли (*итал.* Ricciarelli) – миндальное рождественское итальянское печенье родом из Сиены.

Феникс достает из корзины апельсин и начинает его чистить.

– Почему и как ты нашла вход в кабинет?

– Я бежала из тюрьмы и случайно обнаружила его. Это было моим спасением, иначе я бы умерла от холода и голода в вонючих коридорах. Я не уверена, что этот вход еще открыт. Когда я жила во Дворце дождей у Люцифера, я однажды пробралась в его кабинет и рылась в его записях. Хотела узнать его планы: он точно что-то замышляет, и об этом знают только самые близкие друзья. Я слышала, как он говорил об этом с Сэмом и Форфаксом. Звучало так, будто они планируют битву.

– О, да тебе совсем не нужна твоя мать для того, чтобы убить себя, – говорит Феникс, качая головой. – Он поймал тебя за этим?

– Нет. Правда, я не знаю, не заметил ли он это. Чуть позже Люцифер сказал мне что-то странное, что-то о том, что я использую его так же, как и он меня.

– Знает, как общаться с женщинами... Ладно, зачем ты хочешь туда вернуться? Ты что, ничего не нашла в первый раз?

Феникс внимательно слушает меня, и хотя я и вижу боль в его глазах, я понимаю, что у Люцифера появился несокрушимый противник.

– Я нашла заметки, похожие на отрывки из «Откровения» Иоанна. Правда, пара строк была иной, не такой, как мы зна-

ем. Я не знаю, значит ли это хоть что-то. Если я смогу прочесть их еще раз, возможно, смогу понять, что затеял Люцифер. Ключи, например, совсем не упоминаются в нашей версии, а в тех отрывках они есть.

– Это просто безумие, ты же понимаешь, верно? Ты не можешь пройти в его кабинет через катакомбы. Ты что, снова хочешь оказаться в тюрьме?

Бросит ли Люцифер меня в тюрьму еще раз? Я делаю глубокий вдох. Правда в том, что я не знаю.

– Это не так опасно. В катакомбы не сунется ни один ангел. Сегодня ночью к тому же все будут отмечать в Париже первое испытание. Такой возможности у меня больше не будет.

– Если ты туда пойдешь, я с тобой, – говорит Феникс. – Как далеко от его кабинета до покоев?

– Тебе нельзя идти, – возражаю я. – Если они найдут нас обоих, над тобой никто не сжалится, а во мне они нуждаются. Я всегда могу сказать, что просто хотела к Стар. А если ты и проберешься к ней, то что потом? Ты не можешь просто увести ее оттуда. Пока что не можешь. Давай сначала узнаем больше о планах Люцифера. Там она в большей безопасности, чем с тобой.

Феникс с трудом отступает, но он знает, что я права.

– Тогда я хотя бы помогу тебе найти план катакомб. Чтобы ты не потерялась там внизу. Я останусь здесь сегодня ночью и буду ждать твоего возвращения.

Феникс старается скрывать свои чувства, но я вижу, как в нем закипает злость.

Я могу смириться с этим и даже радуюсь его возвращению. Я явно не создана для одиночества.

Мы целый день проводим в поисках и наконец находим пару набросков катакомб, сделанных в шестнадцатом веке. С тех пор явно многое произошло, но на этих пожелтевших листках показан путь ко Дворцу дождей.

– Ты точно хочешь рискнуть? – беспокоится спрашивает Феникс, когда мы ужинаем.

Мне кусок в рот не лезет, потому что я очень нервничаю.

– Я просто должна это сделать. Ящик с заметками был закрыт, возможно, там было что-то еще.

Чуть позже мы молча зажигаем фонарь, и я беру с собой мелки. Кроме того, я засовываю пустую бумагу и карандаш за пояс брюк. На мне высокие сапоги и черные вещи, чтобы лучше раствориться в темноте, если я кого-нибудь встречу. Бок о бок мы идем к лестнице, ведущей в подземные коридоры.

– Будь осторожна, – говорит Феникс, обнимая меня на прощание. – Не попадайся им. Если что-то покажется тебе странным, поворачивайся и возвращайся домой. Не стоит

понапрасну подвергать себя опасности. В тюрьме ты никак не сможешь нам помочь.

После этого я залезаю в мутную воду. Сегодня ее уровень достаточно высокий, и за считанные секунды она доходит мне до колен. Холодная вода уже в сапогах, и я опускаюсь глубже. Поднимаю фонарь выше, и Феникс указывает на коридор.

– Тебе туда.

Я так часто бывала здесь в последнее время, что достаточно быстро ориентируюсь. Крепко держу набросок карты в своей руке. Я еще несколько раз проверяю его, чтобы убедиться, что нахожусь на верном пути. Для того чтобы это сделать, я раскрываю карту и прижимаю ее к влажной стене, пытаюсь рассмотреть хоть что-то в тусклом свете фонаря. Я время от времени оставляю новые отметки на колоннах.

У подножия лестницы, ведущей в кабинет Люцифера, я делаю глубокий вдох. Я добралась до этого места, и теперь мне кажется, что я собралась напрямик в логово льва. Я напоминаю себе о том, что Люцифера там нет. Я буду там одна, и у меня будет час на поиски. Сейчас глубокая ночь. Никто не пойдет в кабинет в это время. Даже если Люцифер вернется, он скорее предпочтет кровать Стар.

Я пытаюсь отмахнуться от картин, возникающих в моей голове. Его руки на ее коже. Ее ноги, которые переплелись с его ногами. Почему я вообще скучаю по нему? Целует ли он ее так же, как когда-то целовал меня? Прикасается ли к тем же местам? Я опираюсь на стену, чтобы собрать волю в

кулак и прогнать эти мысли. Меня это больше не касается.

Я медленно поднимаюсь по лестнице. Мое сердце уходит мне в пятки, когда я прислушиваюсь и убираю в сторону занавес. Он не закрыл этот вход. Но вряд ли думает, что кто-то придет в его кабинет таким путем. В комнате никого нет, как я и надеялась, и воздух пахнет Люцифером так сильно, что мне хочется задержать дыхание. Я стою на верхней ступеньке и прислушиваюсь к тому, что меня окружает.

Когда воцаряется тишина, я собираюсь пойти в комнату, но мои мокрые сапоги скрипят на мраморном полу. Вокруг моих ног уже образовалась лужа. Я не подумала об этом. Если я пойду в комнату в таком виде, я все там испачкаю, и Люцифер сразу же поймет, что кто-то там был. И он, что вполне справедливо, в первую очередь будет подозревать меня.

Я решительно снимаю сапоги и брюки. Мне сразу же становится холодно, но я смогу потерпеть какое-то время. Босая иду по полу к письменному столу и ставлю фонарь. В этот раз мне снова требуется какое-то время, чтобы открыть замок шкафчика, в котором он хранит документы с информацией об Апокалипсисе. Мне холодно, и я дрожу, что не облегчает задачу. Когда я была здесь впервые, я чувствовала себя более уверенно. Тогда я просто думала, что он не станет сильно наказывать меня, если обнаружит. Но в этот раз все иначе.

Я беру пергаментные листы из шкафчика и кладу их на стол. При этом я стараюсь не двигать никаких предметов на столе. На его краю лежит несколько перьев и стоят две бутыл-

лочки с чернилами. Справа от меня находится узкая стопка бумаг в беспорядке. Я аккуратно провожу по ней указательным пальцем. Чем Люцифер здесь занимается? Я никогда не спрашивала его об этом. Я, как правило, была занята своими собственными проблемами. Которых у меня не было бы, если бы ангелов не существовало.

Я пытаюсь вникнуть в секретные документы. Я читаю и читаю, одновременно делая заметки о вещах, которые позже перепроверю и сравню с книгой дома. И чуть не засыпаю. Свет фонаря слишком тусклый, мои глаза начинают гореть. Я кропотливо расшифровываю написанные слова.

*«Агнец стоит на горе Сионе, и с Ним сто сорок четыре тысячи праведников!»*⁸ Значит, в этой версии люди тоже упоминаются в качестве слуг Бога. Это вполне могут быть потомки нефилимов, избранные для того, чтобы остаться жить в четверти мира. И ними же после Апокалипсиса будет править Люцифер. С другой стороны, сумма цифр в числе сто сорок четыре тысячи – девять. Это тоже может быть какой-то подсказкой. С начала времен у числа девять было магическое значение. Ведь изначально Бог создал девять небесных дворов, от которых после Первой небесной войны осталось лишь семь. Но мне нельзя позволять себе увязнуть во всем этом. Кто или что этот самый агнец, стоящий на горе со ста сорока четырьмя тысячами людей? Я быстро перелистываю страницы. В Библии он упоминается много раз. Агнец – ме-

⁸ Книга Откровений 14:1.

тафора спасителя.

«И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним...»⁹

«Они победили его кровию Агнца...»¹⁰

«Горе живущим на земле и на море! потому что к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени...»¹¹

Я отвожу взгляд от бумаг и смотрю перед собой. Я уже натыкалась на упоминания агнца в своих исследованиях, но не думала о нем в последний раз, потому что была больше заинтересована ролью Стар – невестой. Я больше не совершу такой ошибки. Агнец имеет важнейшее значение в христианской мифологии. Он должен быть принесен в жертву, чтобы забрать на себя человеческие грехи, а затем...

Мои пальцы висят над стопкой бумаги. Агнец должен открыть книгу с семью печатями и положить начало Апокалипсису. Такова была человеческая версия. Но она определенно неверна. Иначе архангелы бы искали агнца, а не ключи, о которых в заметках Люцифера так часто идет речь. Или они давно нашли его? Вероятно, они поэтому так уверены в том, что смогут окончательно победить Люцифера. Все ведут двойную игру. Но меня не должно это заинтересо-

⁹ Книга Откровений 12:9.

¹⁰ Книга Откровений 12:11.

¹¹ Книга Откровений 12:12.

вать: пусть хоть поубивают друг друга, но Стар не должна оказаться меж двух огней.

Я провожу рукой по волосам, пытаюсь вспомнить, что я знаю об Откровении. Значит, могущественный ангел сошел с небес, чтобы дать Иоанну открытую книгу. Но тайны об Апокалипсисе должны были остаться тайнами. Поэтому ангел приказал Иоанну съесть книгу после того, как он ее прочтет. Я задаюсь вопросом, не был ли этот могущественный ангел, давший Иоанну книгу, Люцифером. Это стало бы единственным объяснением того, почему версии истории так отличаются. Если у меня было бы больше времени, я могла бы переписать информацию и детально сравнить эту версию с нашей.

Я роюсь в стопке бумаг Люцифера, чтобы найти пустой лист и сделать еще больше заметок. К сожалению, стопка скользит по столу, и листы падают на пол. Я сажусь на корточки, чтобы поднять их, и слышу скрип двери. Закрываю глаза и про себя издаю стон. Пожалуйста, только не это. Нет ни единого шанса, что я останусь незамеченной. На столе стоит фонарь и лежит куча документов, которым на нем не место. Шаги приближаются ко мне, огибают стол и останавливаются.

Я бросаю взгляд на пару сапог. Перед собой я вижу мускулистые ноги в узких черных брюках и белую рубашку. Он не должен быть здесь. Он должен находиться в Париже или в кровати со Стар. Мое сердце ушло в пятки. Если бы это

был охранник, я еще могла бы побороться. Но против него у меня нет никаких шансов.

Люцифер выглядит элегантно и настороженно, как пантера перед прыжком. Его блестящие черные крылья сложены на спине, но я чувствую слабый поток воздуха от их движения. Я много дней не видела его и пытаюсь запомнить каждую деталь. Они со Стар наверняка были прекрасной парой на празднике на небесах. И еще будут, когда станут вместе править своей частью мира. Конечно, если братья Люцифера ему это позволят. Знают ли они об этом плане?

Я медленно выпрямляю спину. Что он сделает со мной? Он явно не поверит моим отмазкам о том, что я хотела увидеться со Стар. Я уверенно смотрю в его глаза.

– Мун? – Его голос звучит не сердито и не гневно. – Что ты здесь делаешь?

Разве это не очевидно? Я смотрю на дверь. Она закрыта, и в комнате только мы вдвоем. Может быть, я смогу уговорить его отпустить меня домой. С момента, когда он встретил Стар, мы впервые остались наедине. Почему же он не с ней? Он что, только вернулся из Парижа? Сколько девушек умерло во время испытания ключей? Смогу ли я пробежать мимо него и скрыться в катакомбах? Вернуться в библиотеку я тогда точно не смогу. Люцифер окажется там быстрее, чем я.

Он одним пальцем передвигает пергаментные листы на столе.

– Не хочешь ответить? – Архангел мягко поднимает мой подбородок, и от его прикосновения у меня по спине бегут мурашки: мое тело еще не смирилось с тем, что Люцифер больше не мой. Но он никогда и не был моим.

– Ну? Почему ты роешься в моих вещах и как ты сюда пробралась?

Я напрягаюсь и отступаю на два шага назад.

– Я искала ответы, – честно говорю я, с трудом подавляя дрожь. Он такой высокий и снова такой же пугающий, как во время наших первых встреч, а я полуголая, безоружная и боюсь чувств, которые он все еще во мне вызывает. Он мне этого не простит.

Люцифер подходит ко мне поближе.

– Тебе, наверное, холодно. – Он щелкает пальцами, и в огромном камине начинает искриться огонь, освещая комнату призрачным светом. Тепло распространяется по моей коже.

Я думала, что он позовет охрану, но Люцифер и не пытается этого сделать. Я смущенно хлопаю глазами, пытаюсь вспомнить, что я только что прочитала.

– Твои записи. – Мой взгляд скользит по письменному столу. – Я читала Откровение. Твою версию этой книги. Ты и вправду собираешься править четвертью мира? – спрашиваю я настолько спокойно, насколько это вообще возможно. Мне хочется наконец добиться ясности.

– Это то, что ты запланировал с Сэмом и Форфаксом? Ты

возьмешь Стар с собой, когда все это закончится? – Я пытаюсь проглотить свои бушующие эмоции. – Как свою невесту? Ты выберешь сто сорок четыре тысячи человек, которые смогут отправиться с тобой, или они уже давно выбраны?

– Я не хочу сейчас говорить ни о Стар, ни об Апокалипсисе, – говорит Люцифер. – Тебе было опасно приходить сюда. Что, если кто-нибудь нашел бы тебя?

– Ты меня нашел, – отвечаю я. – И прежде чем ты накажешь меня, ты мог бы ответить на пару вопросов. Мне кажется, ты кое-что мне должен.

Люцифер на мгновение закрывает глаза и делает глубокий вдох. Его дыхание остается прерывистым, когда он снова их открывает. По моим венам бежит адреналин. Я должна бежать, и так быстро, как возможно, но я не двигаюсь с места. Покалывание в животе – четкий предупреждающий сигнал. Воздух между нами потрескивает так же сильно, как огонь в камине, и я пытаюсь увеличить расстояние между нами. Но Люцифер подступает ко мне. Его грудь вздымается и опускается. Опасность, исходящая от него, должна меня пугать, но я опьянела, будто выпила слишком много вина.

– Я не думал, что что-то тебе должен. Я просил тебя довериться мне, – тихо говорит он. – Не так ли?

– А я просила тебя быть со мной честным, и ты не был, не так ли?

Люциферу нельзя стоять так близко ко мне. Он пробуждает во мне желание коснуться его, провести пальцами по

его груди и животу. Но я не могу этого сделать. Стар не знала, что он для меня значит. Но я знаю, что она любит его. Должно быть, любит, иначе бы она не бросила Феникса. Это единственное логичное объяснение, которое приходит мне в голову. Между Люцифером и моей сестрой есть какая-то магическая связь. Я не стану идти против этого и не буду ее обманывать.

Люцифер касается моей щеки, и я дрожу, но не позволяю себе насладиться этим теплым прикосновением, хотя с радостью бы сильнее прижалась к его ладони.

– Я сказал тебе, что собираюсь остановить своих братьев. Этого недостаточно? – Его большой палец скользит по моему подбородку к уголку моих губ. Тело предательски склоняется к Люциферу.

А почему бы и нет? Я хочу большего. Мне недостаточно информации о том, что он просто хочет остановить братьев. Я хочу спасти свой мир. Люди не заслужили того, что с ними делают ангелы. Он не понимает этого? Сто сорок четыре тысячи человек – это недостаточно. Я не могу вынести того, что Люцифер так близко, а я не могу к нему прикоснуться. Он проводит пальцем по моей нижней губе, и я тихо вздыхаю. Мне надо идти. Он хочет остановить меня? О чем Люцифер только думает? И чего он этим добивается? Я так зла на него. Зла и обижена. Хотя это недостаточно полно описывает мое нынешнее состояние. Он покинул меня в момент, когда был очень нужен.

Но я чувствую себя еще более одинокой, чем когда-либо. А сейчас, когда я снова встала на ноги и пытаюсь найти выход, когда я снова готова сражаться за свой мир, Люцифер смотрит на меня и касается меня так, словно скучает по мне. Чего не может быть, потому что у него есть Стар. Я не понимаю его. Но я все равно стою на месте и позволяю ему касаться меня. Потому что это так прекрасно и так необходимо.

– И как ты собираешься их остановить? – Мой голос совсем тихий. Люцифер подходит ближе. Я оказываюсь в ловушке между ним и столом, но я не касаюсь его, а лишь опираюсь на стол позади себя. Но Люцифер явно не мучается угрызениями совести. Прикосновения становятся все смелее, а его пальцы скользят по моей шее. Кажется, будто наши тела тянутся друг к другу. Но я сильнее. Я должна быть сильнее.

– Мне нельзя тебе этого говорить. – Его голос звучит иначе. Более грубо. Я вдруг чувствую, как его другая рука касается моей талии.

– Если кто-то узнает, что я затеял, мои братья попытаются остановить меня. Они поступят с нами хуже, чем в прошлый раз. Такого объяснения тебе достаточно?

– Нет. – Мое горло горит. – Ты должен сказать мне, какую роль во всем этом играет Стар.

Люцифер наклоняется ко мне. Его дыхание щекочет мое ухо.

– Очень важную, – шепчет он, словно опасаясь, что спящие на крыше голуби нас подслушают и тут же полетят к Габриэлю.

«Очень важную».

Услышав эти слова, я чувствую, как внутри меня все сжимается от боли. Но в то же время я чувствую его губы. Они бродят по маленькой впадине под мочкой моего уха. Люцифер вдыхает мой запах, и я подавляю стон.

– Этого недостаточно, – шепчу я. – Ты должен сказать мне больше.

Почему он не говорит, что выбрал ее своей невестой? Почему не объяснит мне, чем она лучше?

Кончики его волос касаются моей щеки, когда Люцифер поднимает голову. Мне чрезвычайно трудно не прижаться к нему, не обхватить руками его тело и не вдохнуть его аромат. Я бы так хотела поверить в то, что он примет правильные решения за всех нас. Что все происходящее служит только одной цели – нашему спасению. Я уверена, что Люцифер не станет спокойно смотреть на то, как остальные архангелы истребляют людей. Как бы он со мной ни поступал, я знаю, что Люц не способен на это. И тем не менее я не сдамся, как бы ни влияла на меня его близость.

– Если я должна доверять тебе, я хочу знать правду.

Вместо ответа его руки скользят под ткань моего пуловера.

Это невероятно приятно. Моя голова склоняется к его

грудь.

– Что ты делаешь?

– То, чего я так жаждал. – Его дыхание ласкает мою шею.

Как ложь может звучать так правдиво? Или все это всего лишь недоразумение? Может быть, все случившееся между нами было правдой, а в последние дни я просто видела ночные кошмары? Люцифер такой нежный, и я так скучала по нему, что больше не могу ясно мыслить. Я провожу ладонями по его крепким рукам, широким плечам и касаюсь его шеи. Я не верила, что снова смогу прикоснуться к нему, но сейчас я делаю это, и он мне это позволяет. Люцифер подходит еще ближе ко мне. Возможно, это просто сон.

– Тебе нельзя было уходить, – шепчет он. – Ты должна была остаться со мной.

– Я не могла, – отвечаю я.

Его губы спускаются к моей шее.

– Это все скоро закончится, – шепчет он, а затем берет мою голову в ладони, откидывает ее назад и проводит своими губами по моим. Это даже не поцелуй. Это просто легкое прикосновение, но в то же время нечто большее. Каждая клеточка моего тела вибрирует, заставляя встать на цыпочки, вцепиться в его волосы и поцеловать Люцифера. По-настоящему. Эта мысль приводит меня в чувство. Я не могу целовать мужчину, которого любит моя сестра. Я резко отталкиваю его от себя и встаю с другой стороны стола. Если я подпущу его еще на шаг, близости не избежать. В этой

комнате, на полу или на столе. Ему, возможно, все равно, но это было бы самым большим предательством, которое я могу совершить.

– Мун.

Я поворачиваюсь к Люциферу спиной, потому что не могу его видеть, да и не хочу. Он подходит сзади, и я чувствую его дыхание на своей шее.

– Я не должен был этого делать. Прости меня.

– Мы не можем обе быть рядом с тобой, – нерешительно говорю я.

– Я знаю. – Эти слова звучат тише, чем шепот. – Но я все равно хочу, чтобы ты пришла сюда еще раз. Когда ты не в покоях Михаэля, а в библиотеке, мы можем видеться. Я буду ждать тебя и обещаю не делать ничего, чего бы не хотелось тебе самой. – Его пальцы легко скользят по моей руке. – Я просто хочу смотреть на тебя, хочу, чтобы ты была рядом.

Я поворачиваюсь. Люцифер уже упустил свой шанс на то, чтобы быть рядом со мной. Я могла находиться в его постели, а не среди бумаг, чернильниц и книг. И как долго мы сможем сдерживаться? То, что делают со мной его прикосновения, почти пугает. Прежде чем я успеваю ответить хоть что-то, он притягивает меня к себе и крепко сжимает в объятиях. Мне так хорошо. Его руки показывают идеальное совпадение наших тел. Я чувствую себя защищенной, а не запертой. Мне приходится приложить нечеловеческие усилия, чтобы отстраниться от него. Разумеется, я к нему не приду. Я хочу

его, но еще больше я хочу знать правду. Если Люцифер не готов открыть ее мне, я не могу быть с ним.

Я беру фонарь, свои записи и направляюсь к лестнице, ведущей в катакомбы. Там я натягиваю брюки и залезаю в мокрые сапоги. Когда я поворачиваюсь в последний раз, Люцифер все еще стоит у стола. Его взгляд впивается в меня.

– Не хочешь мне больше ничего сказать?

В мыслях я молю его о том, чтобы он все объяснил. Сказал что-то, что подарило бы мне надежду.

Я почти ощущаю его чувство вины. Оно волнами распространяется по комнате. Люцифер борется с собой еще минуту, а затем качает головой.

– Мне очень жаль.

Боль в моей груди становится невыносимой.

– Ты расскажешь обо всем Стар?

– Нет.

– Значит, она для тебя важнее, чем я. – Кислая слюна скапливается у меня во рту. – Важнее, чем все это, – я указываю рукой на него и на себя. Пусть хотя бы скажет мне это в лицо. Я знаю, что мы чувствуем одно и то же, когда остаемся вместе. Он не так хорошо умеет скрывать свои чувства. Но, возможно, то, что связывает их со Стар, сильнее, чем физическая близость между нами.

– Она нужна мне больше, – медленно и четко говорит Люцифер.

Если бы он вонзил нож мне в живот, мне было бы не так

больно. А ведь только что он хотел меня поцеловать. Прикасался ко мне так, словно я для него что-то значу. Но эти слова больше не оставляют места для размышлений.

– Спасибо за честность.

– Мун!

Я больше ничего не хочу слышать. Ни оправданий, ни извинений. Я просто хочу вернуться в библиотеку. К моему удивлению, все тут же прояснилось. Я не плачу, не кричу и не жалею себя. Мне становится стыдно за каждую секунду, в которую я оплакивала свои чувства. Мне нужно брать пример с Наамы. Она действительно потеряла свою любовь, а я лишь терялась в иллюзиях.

Глава III

Феникс сидит на кухне, когда я возвращаюсь. На столе стоят сгоревшая свеча и нетронутый стакан вина. Я на секунду захожу в свою комнату, чтобы надеть что-нибудь теплое.

– Ну и долго ты, – говорит он, когда я возвращаюсь. – Ты что, потерялась там?

Я качаю головой.

– Люцифер напугал меня, и у нас состоялся небольшой спор.

Феникс хмурится.

– Он позволил тебе уйти, несмотря на то, что ты ворвалась в его кабинет и рылась в его вещах? – Я пожимаю плечами, как будто это самая обычная ситуация на свете. – Ты хоть что-нибудь выяснила?

– Он сказал, что хочет остановить своих братьев.

– И как он собирается это проверить? Люцифер уже дважды им проигрывал. Их шестеро, а он один. Сколько его союзников пережили Вторую небесную войну, а сколько – наказание длиной в десять тысяч лет?

– Этого я не знаю.

Вполне справедливые вопросы, которые мне стоило бы задать Люциферу, но я оказалась занята мыслями о том, может ли он быть со мной или не может. Я наслаждалась его прикосновениями вместо того, чтобы спросить, кто тот самый агнец.

– Он сошел с ума, если думает, что с кучкой ангелов может выйти против тысячи противников, – говорит Феникс. – Если он верит в то, что может что-то сделать, значит, он еще наивнее, чем твоя мать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.